

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

ДВЕ ЖЕНЫ ДЛЯ СВЯТОСЛАВА

О России с любовью

Княгиня Ольга

Елизавета Дворецкая
Две жены для Святослава

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дворецкая Е. А.

Две жены для Святослава / Е. А. Дворецкая — «Автор»,
2016 — (Княгиня Ольга)

ISBN 978-5-699-92664-0

Еще мальчиком Святослав, сын Ольги и Игоря, принял на себя бремя власти. Увлеченный ратными делами, юноша и не думал о женитьбе, меж тем с детства по политическим соображениям ему были предназначены две невесты. Кого же выбрать – смолянскую княжну Прияну, о которой уже идет слава ведуньи, или древлянскую Горяну, дочь родителей-христиан?.. Святослав был готов подчиниться решению матери... до тех пор, пока не встретился с одной из девушек сам.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92664-0

© Дворецкая Е. А., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Предисловие автора	6
Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	28
Глава 3	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Елизавета Дворецкая

Две жены для Святослава

© Дворецкая Е., 2016

© Нартов В., иллюстрация на переплете, 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Предисловие автора

«Легенда о княгине Ольге», как она сформировалась в литературе в течение веков, включает два основных момента, два слагаемых исторического сюжета, которые сделали эту женщину знаменитой: месть за Игоря и крещение. Первая часть легенды была мной освещена в книге «Ольга, княгиня русской дружины». Пришла пора приступить ко второй.

Действие романа происходит перед поездкой княгини Ольги в Константинополь, которая по основной версии исследователей относится к лету – осени 957 года. Но к этому времени у героев цикла за плечами уже долгий путь.

Еще пока Святослав, сын Эльги и Ингвара, был отроком, для него нашлись две невесты, одинаково знатного рода и одинаково нужные для благополучия державы. Прияслава, дочь покойного смолянского князя Сверкера, восемь лет ждет, когда же почти незнакомый киевский жених придет за ней. В это время Эльга, княгиня киевская, предпочитает женить сына на Горяне, дочери своего племянника Олега Моровлянина, князя древлянского, желая таким образом соединить обе линии потомков Олега Вещего и предотвратить будущие раздоры. Самому же Святославу пока все равно: он не видел ни одной невесты и мысли его совсем о другом.

Но если дочь родителей-христиан Горяна Олеговна полагается на волю божью, то Прияна, внучка колдуньи Рагноры, готова побороться за свое счастье. После неудачной попытки бежать в Киев она, устав ждать, дает согласие другому жениху. И когда Святослав наконец приезжает в Смоленскую землю, оказывается, что его невеста исчезла, а кривичи строят замыслы создания собственной державы – соперницы Русской земли.

Очень много лет я даже не думала о том, чтобы писать про князя Святослава: я его не видела и не чувствовала как человека и как образ, а еще один бронзовый монстр с чубом на голове, серьгой в ухе, хмурым взглядом и тремя словами на суровых устах «Иду на вы!» никому не был нужен, в первую очередь мне самой. Но наконец я его увидела. И по-моему, образ получился. Если, конечно, помнить, что здесь ему всего девятнадцать лет и он не родился с чубом, суровым взором и все той же фразой. И прежде чем стать памятником в бронзе, лет тридцать был живым человеком.

Поскольку Святослав уже вырос, активная роль в действии переходит к нему. Княгиня Эльга за все время ни разу не покидает Киева. Но именно она управляет всем происходящим, указывает цели и сыну, и Руси в целом. Более того: именно она предпринимает шаги, призванные из военной корпорации, живущей то торговлей, то данью с покоренных народов, то грабежом, превратить Русь в державу, часть «европейского мира». А именно здесь мы переходим ко второму слагаемому ее легенды: крещению.

Мотивы, побудившие Ольгу принять христианство, составляют одну из ее загадок, ибо источниками они никак не освещены. «Похвала блаженные и великия княгини Олги» (XVI век) говорит об этом так:

«Блаженная же великая княгиня Ольга по смерти мужа своего Игоря, великаго князя рускаго, освященна бывше божию благодатью и в сердцы приимши божию благодать».

И все. Никакой конкретной причины нет. Не являлась ей во сне Богородица, не излечивалась она по чьей-то молитве от болезни, не впечатлили ее подвиги какого-либо святого или мученика, и никакой святитель не убеждал ее в ложности идольской веры. Никакого чуда из тех, что обращают язычников, с нею не произошло. И даже традиция никакой легендой на этот счет ее не наградила. И тем не менее подобные решения, принципиально меняющие судьбу и личности, и целой державы, не принимаются просто так.

Разгул для фантазии тут самый широкий. Мотивы могли быть самые разные: от личной душевной тяги до холодного политического расчета. А скорее всего того и другого понемножку. Я постаралась осветить ее мотивы, как они мне представляются. Эльга в данном романе, почти не выходя из дома, тем не менее ведет напряженную работу мысли и совершает духовное путешествие, которое уже скоро приведет ее к необходимости на самом деле отправиться в путь за Греческое море – легендарный путь, который выведет на новую дорогу всю огромную землю Русскую. И это будет не только первый случай в русской истории, когда глава государства выезжает за границу с посольством, а не с войском – людей посмотреть и себя показать. В следующий раз нечто подобное было предпринято лишь много веков спустя, когда Петр Первый, тоже осознавший необходимость больших перемен, снарядил в Европу свое Великое посольство.

Пролог

Смолянская земля, 3-й год княжения Станибора

– Янька, вон твой жених.

Сестра, Ведома, взяла Прияну за плечи и немного подвинула, чтобы та могла выглянуть между рукавами стоящих впереди мужчин.

Прияна потянулась на цыпочки и сразу поняла, кого ей показывают. Как она была единственным ребенком среди смолянских бояр, собравшихся перед гридницей в Свинческе, так Святослав, сын Ингвара киевского, оказался единственным подростком в рядах входившей в ворота дружины.

– Он еще маленький, – разочарованно пробормотала Прияна.

Она ожидала большего от нынешнего владыки земли Русской, за которого ее два года назад сосватали Ингвар и его жена Эльга.

– Вовсе не маленький. Старше тебя на три года. Видишь, у него меч?

Да, меч у него имелся, висел на плечевой перевязи. По размеру несколько меньше обычных, но рукоять ярко сверкала на зимнем солнце холодным серебром и жаркой медью.

– Вытянется еще, – добавила Ведома. – Глядишь, нас с тобой перерастет.

– Нас – не перерастет, – буркнула Прияна.

Она гордилась красотой сестры, рослой и стройной, как березка. И муж Ведомы, воевода Равдан Крайнович, тоже был высок и хорош собой. Прияна в свои десять лет не сомневалась, что вырастет такой же, как сестра, а значит, и муж ей потребуется не хуже, чем Равдан.

И вот, поглядите на это сокровище! Обычный мальчишка, ростом кормильцу по плечо, белобрысый и хмурый. Однако именно он шагал впереди дружины и первым вошел в ворота Свинческа. Путь русов лежал от берегов Ильмень-озера, – говорили, что там у Святослава есть собственный город, – в Киев, где с нетерпением ждала его мать, Эльга.

Княгиня Прибыслава первой выбежала юному гостю навстречу, наклонилась, поцеловала. Они состояли в родстве: Прибыслава Остроглядовна приходилась Святославу двоюродной племянницей, хоть и была старше лет на пять. Он принял ее ласки, но даже не улыбнулся – это заметила пристально наблюдавшая за ним Прияна. Княгиня обняла его кормильца, Асмунда, потом к ним навстречу вышел князь, Станибор. Гостей повели в гридницу, следом направились смолянские бояре. Ведоме тоже приходилось идти: как воеводской жене, ей надлежало быть под рукой у княгини.

– Иди дома посиди. – Она легонько подтолкнула Прияну к их избе здесь же, в Свинческе. – Как будет можно, я пришлю за тобой.

Послали за Прияной, против ожидания, очень скоро. Она лишь немного поиграла с племянницей, годовалой Орчей, и даже не успела как следует обдумать, можно ли надеяться, что Святослав когда-нибудь станет таким же высоким и красивым, как Равдан. Когда она вошла, пир в гриднице уже шумел всюду: говорили все одновременно, отроки носили блюда, над столами плыли братины, будто лебеди по волнам хмельного питья.

– Иди, поднеси меду жениху! – Станибор махнул ей рукой. – Познакомитесь.

Прияна чинно взяла у кравчего чашу – небольшую, зато из серебра с самоцветами, на ножке, греческой работы, – и направилась к сидевшему на почетном месте Святославу. Он поднял глаза. Она подошла и застыла, ожидая, пока он встанет. Все женщины ее рода – и по отцовской ветви, и по материнской – во многих поколениях числили поднесение чаш среди своих первейших священных обязанностей. В свои десять лет она не просто умела это делать – это умение текло в ее крови. Для своих лет Прияслава, младшая дочь Сверкера, была довольно рослой, и за внешность могла не беспокоиться. Светло-русая коса до пояса опрятно заплетена,

на шелковой ленточке, заменяющей очелье, два простых серебряных колечка у висков. Платье голубой шерсти – из того же куска, что у Ведомы, синий поясok своей работы – ровный, красивый. Кафтанчик из тонкого белого сукна, с отделкой золотисто-желтого шелка по краю, с длинным рядом блестящих бронзовых пуговиц. Ради такого дня Ведома дала ей одно из своих ожерелий: черные бусины с белой волной и зелеными глазками красиво смотрелись на кафтане, а в середине блестела серебряная подвеска с изгибающимся зверем – свейской работы.

– Будь цел и благополучен под нашим кровом, Святослав Ингорович, и пусть боги дадут тебе удачи на твоём пути, – отчеканила Прияна, и волнение ее проявилось лишь в том, что лицо ее стало еще более строгим и гордым.

Святослав взял у нее чашу.

– Благо тебе буди, – буркнул он и отпил.

Прияна не уходила, а продолжала его разглядывать. Светлые волосы были бы красивы, если их как следует расчесать; нос немного вздернут – ой, как плохо. Нет, никогда ему не стать таким красивым, как Равдан!

– А почему на тебе одежда вывернута? – спросила она.

– Потому что моего отца убили. – Он коротко взглянул на нее своими голубыми глазами.

Прияна поняла этот взгляд: так смотрят мальчишки, которые считают, будто разговаривать с девочками ниже их достоинства.

– Разве некому сшить тебе горевую сряду? – Она подумала, что могла бы это сделать, если бы хватило времени.

– Это и есть горевая сряда. – Он дернул плечом.

– Но так ходят только в первые дни. Разве твоего отца убили недавно?

– Его убили осенью. Но я буду ходить так, пока не отомщу. Моя месть не остынет ни через три дня, ни через три месяца... Но я скоро отомщу.

Прияна помолчала. Он больше ничего не сказал и не смотрел на нее.

– Моего отца тоже убили, – произнесла она, не дождавшись, пока он возьмет на себя труд поддержать беседу.

– Да? – Святослав все-таки взглянул на нее, и было видно: это ему любопытно. – Кто?

Прияна еще помолчала. Но он ждал.

– Твой отец, – сказала она, повернулась и ушла из грядницы.

Глава 1

Киев. 6-й год княжения Святослава

В последний день перед Колядой Эльге хватало забот, и никого другого она бы не стала принимать, но Жельке отказать не могла. Эту женщину она знала много лет: ровно столько, сколько сама прожила в Киеве. В далекой юности Желька была одной из жен такого же юного тогда Ингвара – из числа пленниц, добытых им в первых походах. Перед свадьбой Эльга потребовала удалить прочих жен – хотя бы до тех пор, пока сама она не родит сына, – и он роздал их гридням. Желька досталась Гримкелю и прожила с ним без малого пятнадцать лет. До той губительной осени, что, будто удар топора, разделила жизнь Эльги на две части: с Ингваром и после него. Гримкель погиб вместе с князем, в тот же час. И кости их уже шесть лет лежат в общей могиле, под курганом на берегу древлянской реки Тетерев. Отправляясь каждый год, на Весенние Деды, приносить жертвы на могиле, Эльга брала с собой тех десять-двенадцать женщин, что овдовели с ней в один день. Иногда, глядя, как они в рядок причитают над насыпью, поросшей густой травой, все в белых вдовьих платках, она невольно думала: дружина Мары. Ее, Эльги, дружина...

Четверо сыновей Жельки служили в гриднях Святослава, старший уже успел жениться и жил своим домом. Сама она по-прежнему уверенно хозяйничала на своем дворе – поставившая, располневшая и растерявшая половину зубов, без следа красоты, за какую Святослав когда-то выбрал ее из толпы ревущих пленниц. Впрочем, Эльга никогда не находила ее особенно красивой – да и много ли той красоты надо, чтобы прельстить молодого парня в походе?

В этот пасмурный зимний полдень Жельку привело к княгине важное дело. Мало кто решился бы лезть без зова в княгинин двор на Святой горе, но Желька знала, что ее-то Эльга примет.

– Жалуюсь я на соседа, Горелу-бесомыку!¹ – воинственно уперев руки в пышные бока, докладывала она Эльге, сидящей на покрытой шелком укладке. – У нас вся улица его, беспуту, знает, он был кузнец, да спился в дым, уж который год не работает, а только по дворам колобродит! И как мне ключник говорит поутру: мол, куры пропали! – я и говорю: ступай к Гореле, видать, там! И что ты думаешь? Там и нашли сынки моих кур!

– Забрали? – улыбнулась Эльга.

Не стоило сомневаться: четверо Гримкелевичей – княжьих гридней – сами управились с бывшим кузнецом.

– Кости обглоданные забрали! – Желька потрясла раскинутыми руками, будто изображая содрогание неба от такого безобразия. – Одиннадцать кур вынес, лысый шишок, шесть сожрать успел!

– Шесть? – Эльга наклонилась к ней. – Сожрать шесть кур? Это сколько же вы их искали? Неделю?

– Ночью вынес, до свету сожрал! Шесть, матушка! Как только не лопнул!

– И как? – недоверчиво засмеялась княгиня.

– Может, лопнет еще. Лежит, только стонет: берите ваших кур, все берите, только отстаньте...

– Видно, не ел давно, – вздохнула добросердечная Ута. – Вот и накинуся...

– А что с него теперь взять, с пропойцы? – возмущалась Желька. – У него одни порты дырявые!

– Хочешь, чтобы отработал?

¹ Бесомыка – гуляка, шатун. (Здесь и далее примечания автора.)

– Да куда мне это чучело? Добро бы мог работать – а то ведь не может, только корми его задаром!

– Ну, так чего пришла?

– Как – чего? – Желька вытаращила глаза. – А горе мое вдовье излить? – По пути сюда она кипела возмущением, но теперь, выговорившись, вдруг обнаружила, что больше ничего ей, собственно, и не нужно. – Первый раз в жизни вижу, чтобы человек шесть кур за утро успел слопать! Лежит, а кругом кости, будто Кощей! Чего я теперь жарить буду? Придут ночью люди, а я им что – кости глоданные? Раданка говорит: ты, мамка, его и пожарь. А чего там жарить, было б чего жарить...

Но Эльга замахала рукой:

– Как отлежится, прикажи сыновьям, пусть вздуют его...

– Эту ветошку старую? Да его Икмоша только рукой возьмет, он и переломится!

– А пуще ключника. У него весь курятник вынесли, а он проспал? Ступай, мать, мне дела много...

Желька пошла прочь, по дороге рассказывая гридням и челяди – всем, кто попадется, – об этом чуде. Теперь она сможет целую ночь повествовать об этом всем, кто придет петь у нее на дворе, и тем будет вполне вознаграждена за убыток.

Княгиня засмеялась, покачала головой. Чего только не бывает в жизни!

«Лежит, а кругом кости, будто Кощей...»

Эльга бросила взгляд на Уту: наверное, они подумали об одном и том же. Еще в детстве, семилетними девочками, они видели избушку в глухом лесу, усыпанную старыми костями. С тех пор прошло без малого тридцать лет – целый век человеческий! – и теперь уже Эльге казалось, что тот лесной двор им примерещился... что он застрял в памяти из бабкиных сказаний, что они сами придумали, будто ходили туда, и сами поверили, как это бывает у детей. И то, что случилось потом... двадцать лет назад, в тот день, когда она, Эльга дочь Вальгарда, навсегда покинула родной край на берегах реки Великой, им тоже примерещилось...

Но не стоит сейчас об этом вспоминать. В день солоновороты не надо думать о тех мертвых, кого не зовешь на свое угощение.

* * *

К вечеру на Святой горе было не протолкнуться – а ведь Эльга поставила здесь широкий новый двор, зная, что гостей принимать придется много. Она занялась этой постройкой сразу после смерти Ингвара: той же зимой, еще пока войско ходило в Деревлянь, распорядилась отправить мужиков в княжий бор валить бревна. Не хотела оставаться одна в доме, где они столько лет прожили с Ингваром. Глаза не глядели на эти стены, на эти лавки, столы, полки, где каждая деревяшка помнила прикосновение его рук. Казалось, в ту осень и зиму все здесь пропиталось ее тоской и скрытым ото всех отчаянием. Она и раньше знала, что такое терять близких. В год ее замужества погиб отец, потом мать ушла в избу Буры-бабы – все равно что на тот свет. Со смертью старших миришься, ибо изначально знаешь, что им придет срок идти к дедам, а тебе оставаться. Куда тяжелее терять свою пару – того, с кем собирался весь век тянуть упряжку вдвоем. И вдруг обнаружить, что в ярме жизни остался один.

Эльга надеялась оставить эту тоску на старом месте, где ее быстро разобьют в пыль молодые, бодрые голоса Святослава и его отроков. С собой в новый дом унесла лишь тайную печаль – будто колечко, снятое с руки и спрятанное на память.

Но по велик-дням пиры задавались у нее, а не у Святослава. У княгини на Святой горе и простору больше, и за хозяйством следили лучше. В домашние дела сына Эльга не вмешивалась: своя челядь есть, да Дивуша Дивиславна – Асмундова жена – глядит, чтобы дружина

была накормлена и одета. А если что не так, ключникам Эльга в совете не отказывала. Но все не то, когда дом без хозяйки...

День выдался хмурый, как часто в грудень месяц². Едва не с полудня по всему двору расставили и зажгли черные кованые светильники на высоких, мало не в рост человека, железных штырях – в чашах горели льняные фитили, плавающие в масле. Народ толпился между княгининими воротами и площадкой святилища, где снег убрали, все чисто вымели и приготовили к принесению треб и возжиганию огня. Устроили и «огненные ворота», увитые зеленым лапником, не хватало лишь продольного бревна. Его, тщательно высушенное, до последнего мгновения хранили в тепле, под крышей, чтобы не отсырело. Киевляне и зимующие здесь купцы топтались на снегу, исторгали клубы пара из ртов; из-под кожухов виднелись разноцветные подолы нарядных крашеных рубах и кафтанов. Витали запахи вареного и жареного с княгининного двора. Тянуло печеным тестом пирогов. Но еще не пришло время угощения – придется ждать до ночи. Однако мало кто заправился дома: всех мужей хозяйки гнали прочь от печей, чтобы не путались под ногами и не мешали готовить угощение – живым и мертвым.

Ни Святши, ни Улеба, ни кого-то из их людей на Святой горе не было. Появятся они не скоро, а пока в старой Олеговой гриднице уже накрыт стол, а гридни – юные отроки и старики, ушедшие на покой? – сидят и стоят вокруг длинных столов, выпивают по чарке и вспоминают. Вспоминают всех, кто когда-то пил и ел под этой старой кровлей и сложил голову в каком-то из бесчисленных сражений последних шести-семи десятков лет. Сначала князей – Олега Вещего и Ингвара. Потом воевод и бояр, потом дойдет и до отроков, тех, для кого первый поход стал последним, если их помнит хоть кто-то из прежних, уже поседевших товарищей...

– Я, Иггимар сын Гримкеля, выпью эту чару в память моего деда, Стейнмара Секиры, он погиб в походе на вятичей сорок лет назад. Отроком он пришел в Киев в дружине Вещего и оставался верен ему до самой своей смерти. Вторую чару я подниму за моего отца, Гримкеля сына Секиры – он был гриднем Ингвара и погиб с ним в один день. А эту чару я посвящаю богам и прошу их об одном: чтобы мне всю жизнь служить тебе, Святославе, как мои предки служили твоим предкам, и умереть с тобой в один день и час...

В князеву гридницу в этот день заглядывали все, кто хоть раз выступал под княжым стягом. Женщине там нечего делать, и Эльга никогда не ходила туда, хотя тоже могла бы многих вспомнить.

Когда стемнело, отроки стали запускать народ в княгинину гридницу. Эльга поставила ее себе, зная, что в отсутствие сына ей придется принимать народ и давать пиры. Но и когда Святослав пребывал в Киеве, она устраивала пиры в череду с ним. К Эльге ходили даже охотнее: и хозяйничала она лучше, и умела показать, что рада гостям. Святослав, слишком еще молодой, не осознавал важность добрых отношений с людьми; он пока ценил лишь верную дружину да ратную доблесть.

Гридницу протопили с утра, и теперь было тепло без огня; на стенах горели факелы из пакли, пропитанной смесью льняного масла, воска и смолы. В промежутках между ними на стенах висели вышитые и тканые ковры, шкуры, дорогие шелковые одежды с золотым шитьем, почти полностью заслоняя бревна. Гости из сельской знати, привыкшие к тому, что по великим дням стены жилищ украшаются лишь зелеными ветвями да вышитыми рушниками, теперь вертели головами, дивясь на это богатство. А когда переводили взгляд на длинные столы вдоль стен, то и вовсе выкатывали глаза...

Княгиня уже стояла у своего места за столом, посередине, напротив входа. Со времен гибели мужа она отказалась от красных одеяний и носила только белое и синее – цвета вдовства и того света. Сегодня Эльга надела белое платье и синий хенгерок с серебряными застежками тонкой работы на плечах, с шелковой отделкой и тканой тесьмой тех же цветов. Белый шел-

² Грудень – декабрь.

ковый убрус с серебряными заушницами моравской работы красиво окружал лицо. Стоящая меж резных столбов, освещенная факелами, княгиня была прекрасна, как молодая Марена. Огненная полутьма скрывала тонкие морщины у висков, зато сверкали смарагды в ожерелье на ее груди, перекликаясь с искрами глаз. В белых руках, украшенных золотыми греческими браслетами, княгиня держала окованный позолоченным серебром рог.

С внешней стороны стола выстроились приближенные женщины: сестра Ута с двумя старшими дочерьми, Предслава Олеговна – бывшая древлянская княгиня и родственница Эльги, старая боярыня Ростислава и ее дочери, Живляна и Дивуша Дивиславны с их невестками – женами братьев. Потом старшие боярыни из многочисленного рода Избыгневичей – этих всех уже не вместил бы даже княжеский стол. Ута была в зеленом греческом платье с коричневато-золотистым шелком на груди, Предслава – в малиновом, отделанном голубым шелком. Предславу, дочь своего родственника-соперника, бывшую невестку семьи кровных врагов, Эльга жаловала и обращалась с ней так, как того требовали ее знатность и их близкое родство, закрыв глаза на все прочее. И оттого о княгине говорили как об очень доброй женщине.

На столе перед Эльгой возвышалась искусно возведенная в человеческий рост целая гора из наилучшей снеди: хлебы, пироги с рыбой и дичью, жареная птица, на верхушке – запеченная свиная голова с яблоком во рту. Сверкали начищенные блюда – медные и серебряные, блестела цветной росписью греческая посуда.

В гридницу набилось столько народа, что люди стояли за столами тесным строем в два-три ряда. Отроки уняли шум. Эльга шагнула вперед, встала за горой на столе и слегка склонила голову. Чтобы спрятаться за этакой кучей, не приходилось наклоняться.

– Видите ли вы меня, люди добрые? – крикнула она.

– Нет! Нет! – вразнобой, но весело откликнулась сотня голосов. – Не видим, матушка!

– Дайте боги, чтобы и на другой год не видели!

– Слава! Слава! – завопила гридница.

Эльга сделала знак кравчему, Близине, тот кивнул отрокам и гостям. Принялись понемногу закусывать – все так же, стоя, взяли кто по пирожку, кто птичью ножку, кто сушеную рыбку или печеное яичко. Поднялся негромкий, почтительный гул голосов. Часто оглядывались в сторону двери – во избежание духоты та стояла открытой прямо в синюю тьму.

Княгиня бросила взгляд Близине, и тот подошел к небольшой кучке мужчин возле середины стола. Эти шестеро выделялись скованностью и молчаливостью: только они не кричали вместе со всеми. Близина с поклоном подал им расписное блюдо с пирогами, предложил угощаться. Те неохотно взяли по куску – челядин подносит. Но иного им пока не полагалось.

Два последних лета Святослав воевал на Волыни. При Олеге Вещем волыняне платили Киеву дань, потом Ингвару снова пришлось покорять их, а после его смерти они вновь отложились. Эльга и Святослав занялись ими лишь несколько лет спустя, убедившись, что в Деревляни и у дреговичей все мирно и можно не ждать удара в спину. Этим летом волынский князь Жировит был окончательно разбит и пал в сражении; у знатнейших родов бужан и лучан³ Святослав взял детей в залог, с тем чтобы зимой отцы приехали за ними и принесли киевскому князю клятвы покорности. В нарядной толпе волыняне выделялись своими домоткаными одеждами и мрачными лицами. Ничего. Многие через это прошли, а теперь довольны. Родовая знать богатеет на торговле с хазарами, булгарами и греками, на сборе дани с сородичей, а и к тем попадает серебро, немного шелка, хорошая круговая посуда...

Мирослав, Богдаш, Вратислав, Селигор, Мечусь и Славук – мысленно Эльга перебрала имена, будто проверила скрыню памяти: все ли здесь? Когда принесут жертву, волыняне про-

³ Бужане и лучане – малые племена, объединенные в племенной союз волынян.

изнесут над ней клятвы, и тогда уже она, княгиня, предложит им угощение и подарки – цветное платье греческое, чтобы на завтрашних пирах они видели себя не хуже других.

У двери раздался громкий стук. Разговоры враз утихли, руки с недоеденным стыдливо опустились, повисла тревожная тишина. Эльга крепче сжала позолоченный рог. Сердце оборвалось. Уж казалось бы, немолодая женщина, мать взрослого сына, со всех сторон подпертая дружиной и родней, и мало у кого, разве что у кагана хазар и василевса греков, в руках столько земли и власти. Но в такие мгновения у нее холодело в груди.

Через порог шагнул кто-то огромный и мохнатый, будто медведь. Занял весь дверной проем, хотя через высокую дверь в гридницу даже рослый человек легко проходил, не пригибаясь – не то что в избах. По рядам пролетела волна выкриков. Вошедший был покрыт сивым мехом, на голове высилась огромная черная личина с белыми зубами, на посохе звенели бубенцы. Всю грудь занимала борода из пакли, заплетенная в затейливые косички, тоже с бубенцами.

Дочки Уты и другие боярские девы кинулись навстречу и стали еловыми вениками подметать пол между дверью и княжым столом. Гость из тьмы медленно двинулся вперед. И с каждым его тяжелым шагом у Эльги вновь перехватывало дыхание. Сколько она ни напоминала себе, кто это такой на самом деле, не могла прогнать впечатление, будто к ней идет *он*... тот самый... Князь-Медведь, уже много лет мертвый, но в эту ночь встречи яви и Нави вновь пришедший за ней...

– Кто ты? – не сдержавшись, чуть раньше положенного крикнула она. – Что за гость к нам пришел?

Сивый Дед сделал еще два шага и остановился прямо перед ней, сложив руки на вершине посоха. Эльга сглотнула: он и так-то был высок, а личина делала его здравенным, будто сосна. Хотелось снова спрятаться за горой из пирогов, и она делала над собой усилие, чтобы с гордо поднятой головой глядеть в личину посланца, олицетворявшего всю торжествующую темную мощь Нави.

Чувствуя трепет княгини, люди за столами затаили дыхание.

– Кто ты еси, гость дорогой? – снова спросила Эльга.

Эти мгновения, повторявшиеся каждую зиму, казались ей самыми тяжелыми за весь год. Именно сейчас, пока она трижды задавала вопрос, а гость из Нави молчал, она едва дышала от давящего ужаса: а что, если в этот раз и правда пришел *он*... Тот, страх перед кем отравил ее детство и исковеркал юность; тот, из-за кого ей пришлось бежать из дома, навсегда расстаться с родными, не простившись; бросить в лесу сестру, самого близкого человека; отдаться во власть киевских отроков, будучи защищенной только их честью... Сейчас, двадцать лет спустя, Эльга приходила в ужас при мысли о своем тогдашнем безрассудстве.

– Кто ты, гость наш любезный? – в третий раз спросила она, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал. – Откуда пришел к нам, что за весть принес?

– Роду я старого, древнего! – наконец отозвался пришелец.

И при первом звуке этого знакомого голоса тяжесть в груди лопнула и растаяла. Стало легко, Эльга перевела дух и быстро глянула на Уту, будто ждала, что та подтвердит. Да, это не Князь-Медведь из далеких плесковских лесов. Это Мистина, Свенельдов сын, муж Уты и побратим Ингвара. Тот самый, что вырвал ее, Эльгу, из лап Князя-Медведя и привез в Киев к жениху.

– Шел я через поля широкие, через горы высокие, через реки быстрые! Шел чащами дремучими, берегами крутыми, долами чистыми!

Говорить Мистина всегда умел – будто пел. Ему исполнилось сорок лет – этот возраст в иных преданиях называется полным сроком жизни, после чего идет заедание чужого века, но Мистина ни в чем не походил на старика и по всему считался в Киеве одним из первых. Знатностью рода и заслугами почти никто не мог тягаться с единственным сыном покойного

Свенельда – разве что Асмунд, родной брат Уты и кормилец Святослава. Но тот предпочитал дружинные дела, не вмешиваясь в дела священные, поэтому никакого соперничества тут между ними не было. Хотя бы тут...

– Выпей с дороги и благослови нас! – сказала Эльга, когда он закончил речь, и с поклоном подала ему рог.

Мистина-Велес принял рог, поднес к прорези в личине и немного отпил. Потом передал Алдану – своему же оружнику, который, будучи мужем Предславы Олеговны, занимал среди мужской родни княгини одно из ближних мест. Рог пошел по кругу – по первому ряду, где стояли киевские бояре, пока не вернулся к Мистине. Остаток он вылил на очаг и высоко поднял перевернутый рог.

– Ну, молодцы честные, мужи киевские! – с молодым задором крикнул Сивый Дед. – Не пора ли нам идти бычка черного искать?

– Пора, пора! – с облегчением завопил народ.

Мистина взмахнул рогом – и все с гомоном повалили наружу.

* * *

Пылал огонь посреди площадки святилища; высокое пламя рвалось в вышину, будто стремясь осветить даже божеские палаты за стеной густых туч. Перед костром мужчины во главе со Святославом свеживали черного бычка. Голова животного, помазанная медом, лежала на камне-жертвеннике. По сторонам его стояли Эльга и Ута с чашами в руках, будто две удельницы. Здесь, на вершине Святой горы, Эльга чувствовала себя вознесенной над землей и приближенной к богам; они хорошо видели ее, освещенную пламенем. Глядя в темное небо, она ждала... сама не зная чего.

Вот уже двадцать лет она в положенные дни обращает к небу одни и те же слова – те, что старше Святой горы. Те, что перед ней произносила с этого же места княгиня Малфрида, а перед ней – княгиня Бранислава, супруга Вещего и дочь Аскольда. До того – ее мать Богумила, жена последнего полянского князя... или дочь... надо у Честонеговой боярыни спросить, та точно помнит. Но ни разу, ни разу за эти двадцать лет боги не ответили Эльге. Может быть, Браниславе и ее матерям-предшественницам они отвечали? А к ней, пришедшей сюда из чужой земли и разорвавшей связи с родом, пролившей кровь родного чура, они не благоволят?

Но если кто и мог так думать, то лишь она одна.

Вратислав, Мирослав и прочие воляняне уже приносили клятвы: возлагали руки на дымящееся мясо черного бычка, обещали быть покорными киевским русам, давать дань и не мыслить зла, призывали на себя кары Перуна и Велеса в случае нарушения слова. Святослав клялся в ответ быть земле воынской истинным отцом. «А иначе да рассекут меня боги, как я кольца золотые рассекаю!» – говорил он по примеру далеких северных предков, награждавших дружину разрубленными обручьями из серебра и золота. Он, девятнадцатилетний парень, годившийся любому из этих людей в сыновья.

Эльга сделала пару шагов в сторону, чтобы пламя костра не мешало видеть сына. В такие мгновения она любовалась и гордилась им. Не всегда и не во всем между ними царило согласие – как и с Ингваром, – но, как и отец, Святослав очень хорошо понимал, кто он и зачем послан Рожаницами на землю. В этом он не обманул родительских надежд, и за это она многое могла ему простить.

Среднего роста, как Ингвар, светловолосый, в красном греческом кафтане, Святослав держал в окровавленных руках жертвенный нож; его юное лицо было сосредоточено и одухотворено, ноздри слегка раздувались, ловя запах свежей крови. Эльга знала, что с ним сейчас происходит. Он, такой юный, приносит жертву не только за все полянское племя, как его далекие предшественники-Киевичи – он делает это от имени всей Руси, простирающей ныне

свою власть от Полуночного моря до Греческого. Это такие дали – мыслию не окинуть! – и все они подчинены ему – сыну Ингоря, внуку Вещего. Русь, которую Вещий сделал столь мощной, признала его наследников своими вождями, хотя Эльга приходилась покойному волоту лишь племянницей, а Ингвар и вовсе не состоял с ним в кровном родстве. В жилах Святослава соединилась кровь Олеговичей и северных потомков Боезуба, что стали конунгами на Ильмене за сто лет до появления там будущего Олега Вещего. И все, что завоевали мечи трех-четырех поколений, теперь принадлежало Святославу.

– Солнцу новому, Хорсу золотому – слава! – выкрикивал молодой князь, поднимая священный сияющий рог.

– Слава!

– Руси слава!

– Слава!

Сотни дружных голосов взлетали к облакам и гремели между землей и небом, будто зимняя гроза. И каждый чувствовал, как сам дух его возносится к небу в этом едином кличе, чтобы стукнуть в двери богов.

Вокруг князя толпились родичи, составлявшие ближнюю дружину: Мистина в обличье Велеса, его сыновья Улеб и Велерад, Асмунд со своими юными сыновьями, Дивиславичи, Избыгневичи, Илаевичи, Икморова ватага и прочие сыновья Ингваровых гридней, живых и павших... Толпа не вмещалась в освещенный круг и оттого казалась беспредельной. Окидывая ее взглядом, будто сокол с вышины, Святослав ощущал с гордостью: с этих лиц, упоенных близостью к богам, смотрит на него с торжествующей преданностью вся неисчислимая, могучая Русь.

– Князю нашему слава! – ревел Мистина. – Мечам русским слава!

И тучи содрогались в темной вышине от мощного крика дружины.

* * *

Гора из пирогов и прочей снеди с княжьего стола уже исчезла: отроки разобрали ее и разнесли по гостям. На дворе ободранная и безголовая туша бычка жарилась над пламенеющими углями, отроки отрезали готовые куски и раздавали. Эльга своими руками поднесла чаши самым знатным из киевлян: Мистине, наконец снявшему шкуры и личину, своему двоюродному брату Асмунду, Честонегу, Себенегу, старым воеводам. Остальных угощали ее родственницы-боярыни. Отбросив сдержанность, теперь уже все гости ели, пили, хлопали друг друга по плечам; даже волынские бояре, натянув подаренные цветные кафтаны, оттаяли и начали смеяться, прикладываясь к резным ковшам.

Святослав сидел у середины стола, по бокам от него – мать и вуй-кормилец, дальше остальные по старшинству. Со стороны Эльги появились два новых гостя: древлянский князь Олег Предславич и его жена, княгиня Ярославна Земомысловна.

Олегу, родному внуку Вещего и племяннику Эльги, не требовалось приносить никаких клятв. И тем не менее он каждую Коляду приезжал в Киев – вместо того чтобы совершать жертвоприношения в святилище нового города Овруча. Эльга отлично знала, почему он так поступает и почему не ест мяса жертвенного бычка, хотя ему, как близкому родичу, подадут сразу после князя и его матери. Олег Моровлянин и его жена избегали участия в принесении треб, а вместо этого посещали киевскую церковь Святого Ильи на Ручье. Христиане тоже празднуют солонovorот: в эти дни родился их бог. Он дважды выходил в мир людей: перед жизнью и после смерти. Зимний обряд в честь его рождения называется рожаничная... нет, рождественная служба, как-то так.

Эльга поймала взгляд Уты: сестра сделала ей знак глазами, указывая за плечо. Княгиня повернулась к Олегу и наклонилась, чтобы он мог ее услышать.

- Что же вы вашу девушку с собой не прихватили?
- А разве у нас был уговор? – якобы удивился Олег.

Но лукавить этот прямодушный и добросердечный человек не умел. Эльга видела в его глазах тревогу, что совсем не вязалась с любезной улыбкой. И каждый раз вздыхала про себя: и это единственный внук Вещего!

- Ведь ей уже есть пятнадцать? – уточнила Эльга. – Или в том году будет?

- Уже есть. – Олег посмотрел на жену, будто спрашивал подтверждения.

– Привезли бы нынче повидаться. А то мы и не ведаем, какая она есть, невестушка наша. Хороша собой, конечно? Видать, расцвела уже, как маков цвет сделалась?

- Да, грех жаловаться, – задумчиво кивнул Олег.

Эльга замечала: законная отцовская любовь и гордость боролись в нем с нежеланием хвалить дочь за этим столом.

– Познакомились бы, а там осенью и свадьбу. Сын мой вырос, – княгиня с удовольствием перевела взгляд на Святослава, – а хозяйки в доме нет. Справляемся пока, но у меня свой дом, у Дивуши свой... Пора и Святше хозяйкой обзаводиться, а Киеву – княгиней молодой.

Она требовательно смотрела на Олега, но тот отводил глаза. Нетрудно было догадаться почему. За пять лет в Деревляни Олег и Ярослава привыкли чувствовать себя там хозяевами. Брак единственной наследницы с молодым киевским князем подтвердит временность их прав на эту землю. Они не могут сами выбрать себе зятя и наследника: все давно решено.

Не для того Олег Вещий, Ингвар и сам Святослав воевали с древлянами, чтобы подарить плоды побед кому-то другому. И сегодня Эльга уже приказала своим отрокам следить, не попытается ли Моровлянин тайно встретиться с волянянами. Они здесь, в Киеве, почти в одинаковом положении и могут догадаться, что общий противник делает их союзниками.

Однако внук Вещего правит в Деревляни лишь потому, что она, Эльга, и сын ее Святослав ему это позволяют. Брак его единственной дочери со Святославом окончательно привяжет к киевскому древу последнюю стороннюю веточку рода Вещего. Исключит саму возможность того, что в лице мужа Олеговны-младшей у Святослава найдется соперник, способный предъявить права на наследие покойного волота – победителя Царьграда. Их сын станет единственным законным владыкой Руси и Деревляни, и в дальнейшем править у древлян станет не князь, а посадник из Киева.

– Слава богам! Слава Руси! – во всю мощь молодых легких провозглашал Святослав, стоя за столом и воздымая чашу на вытянутых руках к самой кровле, будто предлагая богам приложиться.

- Слава Руси! Святославу слава! – сотней глоток вопила дружина.

И сама новая, прочно построенная гридница содрогалась, неспособная вместить этот шквал молодой силы.

* * *

Но вот шум и блеск огней остались позади. Отрок Начеша закрыл за спиной Эльги дверь гридницы, отрезав крики. Мураш нес впереди факел, освещая ей дорогу. Позади всех шла Добрета с коробом.

В пустой и тихой избе горела одна лучина у стола, Скрябка сидела на лавке возле лежанки Брани. Семилетняя княжна не спала: слышав скрип двери и шаги матери, живо села.

- Уже пора?

Эльга кивнула, сбрасывая шубу на руки Начеше. Браня выбралась из постели и накинула свой красный, отделанный серебряной тесьмой кафтанчик прямо на сорочку. Эльга провела рукой по ее головке. Осенью все самые знатные женщины и девицы Киева набились в княгинину гридницу, чтобы видеть, как Ута впервые заплетет племяннице косичку с красной лен-

точкой, с серебряным колечком на правом виске, а потом пировали в честь ее семилетия: перехода из детищ в отрочати. Волосы у Брани были светлые, как у матери, но чертами лица она напоминала Уту, и это грело сердце Эльги. Глядя на личико дочери, она мысленно видела Уту-девочку, а с ней и себя, семилетнюю отроча, стоящую на краю жизни, как на опушке дремучего леса... Да, далеко они с сестрой ушли от той опушки, где собирали пролески и заячью капусту. На такую гору забрались, что страшно вниз посмотреть – голова закружится...

Браня уже побежала к полке у печи и вытащила из горшка целую связку деревянных ложек. Добрета принялась вынимать из короба и раскладывать по чисто вымытому и покрытому скатертью столу сосуды и миски: блины, жареное мясо, похлебка из дичины, пороссячий бок, каша со сливками, пироги с рыбой и грибами... Уже были приготовлены лучшие греческие блюда: на низких поддонах, расписанные желтыми и зелеными зверями и птицами по белой глине. Эльга стала перекладывать в них угощения, торопясь, пока не остыли и не перестал идти пар. Браня с сосредоточенным видом раскладывала ложки. В этом году ей впервые позволили участвовать в угощении дедов: прежде ее, слишком маленькую, отсылали к Живляне Дивиславне, ночевать с ее детьми.

Но вот они закончили и встали у края стола.

– Деды наши и бабки! – позвала Эльга, обняв Браню за плечи и произнося призыв от них обеих. – Зовем вас на угощение. Где бы ни были вы... Далекое нас занесло от родного порога, но все же мы вас помним – и вы нас не забудьте, помощью и заботой не оставьте. Придите к нам...

Она слегка сжала плечи Брани, и та добавила:

– Дедушка Вальгард! Бабушка Домолюба! Прадедушка Судогость, князь плесковский! Прабабушка Годонегга, княгиня плесковская!

– И ты, муж мой, Ингвар Улебович, – тихо продолжила Эльга.

Для него она приготовила особую ложку – греческой работы, искусно вырезанную из кости. Эту ложку Ингвар привез ей из второго греческого похода. Эльга ценила ее и пользовалась только по великим дням, а после смерти Ингвара приберегала для него.

Теперь она поднесла ложку к лицу, на миг прижала к губам выпуклое гладкое донце, будто пыталась передать поцелуй бесплотной, невидимой тени, положила ложку на край блюда с испускающей пар медовой кашей.

– И ты тоже... Князь-Медведь... – шепотом добавила она. – Приходи. Прими наше угощение и не держи зла.

И вдруг ощутила облегчение. Впервые в этот день взглянула в темные тени у двери без страха, скорее с надеждой. Крепче сжала плечи Брани.

Это был обряд не княжеский, не державный, а домашний. Здесь, в Киеве, где собралось с бору по сосенке от великого множества родов и народов, ее кровные предки принадлежали только ей, не всем. И в этом состояла огромная разница между нею, Эльгой, киевской княгиней Руси, и плесковской княгиней Годонеггой, ее родной бабушкой по матери. Не от народа-племени, а только от своего лица и лица своих детей она говорила со своими чурами: дедами и бабушками, знакомыми и незнакомыми, теми, кого застала на свете, и теми, от кого даже имена до нее не дошли сквозь гушу поколений.

– Дедушка Улеб. Бабушка Сванхейд, – подсказывала она дочери имена ее предков по отцу, которые, как и плесковские, никогда не бывали в Киеве и не жили в этом доме. – И ты, волот земли Русской, Олег Вещий. Стрый Одд... – прошептала Эльга, и от звука этого имени, которое она слышала только в детстве от отца и его брата, у нее перехватило дыхание.

Теперь он придет. Отзовется на свое настоящее имя, которое во всей Русской земле помнит, может быть, лишь она, его племянница, да его внучка, старая боярыня Ростислава. Да Олег Моровлянин, его неудачливый внук.

Их было так много: предков, которые прожили свою жизнь в иных землях, но протянули ветви сюда, к киевским горам, и сплели их над старым корнем полянских Киевичей. Из Кие-

вичей происходила Бранислава, жена Вещего, и последние капли их крови текут в Ростиславе, Предславе и их детях. И все эти люди, такие разные, славянского и заморского северного корня, собрались, как ручьи и реки, чтобы образовать эту могучую реку – землю Русскую.

Эльга положила руку на голову Брани и прижала дочь к себе. Та тоже, наряду со Святославом, была наследницей всех этих сил. Как они скажутся в ней?

Каждый год, все двадцать лет, Эльга готовила этот стол. Каждый раз она ждала, что деды подадут знак – хоть какой-нибудь, хотя бы скрип двери, стук скамьи, легкое прохладное дуновение вдоль щеки. Но ни разу даже вздох не нарушил тишину, воздушный ток не колыхнул пламя светильника. Неужели ее предки не могут найти к ней дорогу в такую даль?

Или они так и не простили ее побег и гибель Князя-Медведя?

Но хотя бы он, Вещий! Тот, что жил здесь, в Киеве, и хорошо понимает все, что она делала. Он не может бросить ее, наследницу, спасшую его державу от распада.

Мало о чем Эльга так жалела, как о том, что ей не привелось ни разу в жизни встретиться с Вещим. Ей исполнилось всего семь лет, когда он умер, да и жила от него за тридевять земель. Только от людей и узнала, что у них одинаковые глаза – серо-зелено-голубые, смараговые. У Брани были такие же глаза, и это радовало Эльгу не меньше, чем сходство дочери с Утой. У Святослава – просто голубые, как у Ингвара. Святослав сам за себя постоит. Но уж ее дочь покойный волот не оставит заботой...

И как же ей хотелось, чтобы хоть один раз в жизни в такую вот ночь он вошел неслышно в избу – остановился у порога, выпрямился во весь свой немалый рост, взглянул на нее, свою наследницу... Только он один среди всех живых и мертвых и сможет понять, как живет ей – заброшенной так далеко от родных краев, запряженной в такой воз, какого ни предки ее князя, ни даже сам Князь-Медведь не сможет и представить...

Тишину разорвал громкий стук в дверь. Браня взвизгнула от неожиданности и прижалась к матери.

– Кто там? – окликнула Эльга.

– Мы ходили, мы ходили! – раздался снаружи молодой голос, пытавшийся казаться грозным, но больше веселый.

– Через горы на поля! – подхватил второй такой же.

– Мы искали, мы искали!

– Государыни двора!

– Это Святша! – шепнула Браня, узнавшая голоса братьев. – И Улебка с ним.

– Тише! – Эльга сделала ей знак молчать и направилась к двери, на ходу кивнув отрокам, чтобы несли жареных кур и пироги.

Начиналось гулянье... Миг встречи с Навью скользнул прочь и растаял во тьме.

* * *

До утра ряженные в шкуры и личины киевляне бродили по улицам, по горам и Подолу: пели славления, получали где пироги и свинину, где чарочку. Святослав с отроками колобродил всю ночь, и не раз между разными ватажками завязывались драки. До свету не смолкали вой, крик, обрывочное пение, возбужденный смех, звон бубнов, гуденье рожков.

Следующий день выдался непривычно тихим – народ отдыхал. На площадке святилища, прямо перед воротами Эльги, непрестанно пылал огонь, отмечая, что эти сумрачные дни – особенные. У прочих ворот лежали собранные со столов угощения дедам – для проходящих, и иные бедняки собирали себе в это утро припаса на неделю и больше.

Это был чуть ли не единственный день в году, когда княгиню никто не тревожил: ни просители, ни жалобщики, но бояре, ни даже родичи. Без шелков и драгоценных уборов, весь день она занималась с Браней, даже сама сварила ей кашу – редкое удовольствие побыть обычной

матерью. Делать что-то подобное своими руками Эльге приходилось столь нечасто, что даже вспомнилась та давняя каша, которую они с Утой в лесу варили для Князя-Медведя...

Браня перевела взгляд с лица матери на длинную деревянную ложку в ее руке и будто угадала ее мысли.

– А... расскажи про медведя... – попросила неуверенно.

– Да ты ведь знаешь.

Их лесные повести Ута множество раз пересказывала детям – своим и всем, кто рядом притулился, так что о них знал весь Киев.

– Ну, это тетя Утушка... А я хочу, чтобы ты!

Эльга кивнула. Она любила дочь больше всего на свете и жаждала отдать ей всю себя – но даже причесать самой ее светлые волосики, заплести косичку, что любая мать делает всякое утро, ей удавалось редко. Всегда уже кто-то ждал ее в гриднице...

– Нам с Утой было тогда по семь лет... – начала она, вглядываясь в далекое прошлое. Впервые ей приходилось возвращаться к нему не в мыслях, а вслух, и от этого ее вдруг охватило волнение. – В тот год здесь, в Киеве, умер стрый Одд. А в наших краях такой обычай велся, что девочки знатных родов, как им косички заплетут, ходили в лес на «медвежьи каши»...

И, видя на лице дочери любопытство и тайный ужас, подумала: ни на какие «медвежьи каши» она свою Браню ни за что бы не отпустила!

Но уже назавтра к полудню в дверь стукнули, Скрыбка впустила отрока по имени Зимец.

– Вольнян двое к Острогляду пошли, – поклонившись, вполголоса доложил он.

Эльга кивнула. Чего-то подобного она и ждала. У боярина Острогляда, мужа своей сестры, остановился Олег Предславич.

– Кто еще там есть?

– Алданова боярыня с утра раньше них пришла. С чадами. И хозяйева все дома.

– Потом скажешь, долго ли пробудут.

Эльга отпустила Зимца и взялась за прялку. Сидя дома, зимой она пряла. Не столько ради обычая: ничто другое так не проясняет мысли. Простая однообразная работа позволяла сосредоточиться, мысль бежала вслед за нитью, и быстро успокаивалось всякое смятение чувств.

Впрочем, пока волноваться было нечего. Вольняне всего лишь хотят, пользуясь случаем, познакомиться со своим соседом – родичем киевских князей. Олегова старшая дочь Предслава, как почти всякий день, пошла к тетке провести время с отцом и взяла с собой детей – его внуков. Младшие будут карабкаться на колени чадолюбивому дедушке, да Ростислава дома, да из ее семейства кто-нибудь зайдет – будет полна изба народу, и ни о чем важном вольняне, даже и при желании, поговорить с Олегом не смогут. Но сложно будет помешать им сноситься после, уже не в Киеве, не на глазах у русов.

Однако кое-что предпринять можно и нужно прямо сейчас. Мягко напомнить племяннику, от кого и на каких условиях он получил власть над Деревлянью. Но спешить некуда. Ни вольняне, ни Олег с Ярославой не уедут раньше, чем закончатся празднества и погаснут священные огни, а значит, впереди еще дней десять.

* * *

Эльга завела об этом речь еще через день, когда к ней зашли поутру Святослав и его двоюродный брат Улеб, старший сын Уты.

– Ну что, матушка, утомилась? – Святослав подошел и поцеловал ее, хотя из них двоих выглядел куда более утомленным.

Улеб только улыбнулся и поклонился тетке-княгине. Эльга улыбнулась ему, скрывая смятение. Неужели никто не видит? Оба брата были одинакового среднего роста, оба плечистые и крепкие. Светловолосый Святша лицом походил на мать, а нравом удался в нетерпеливого,

упрямого и отважного отца. Улеб русые с рыжиной волосы унаследовал от своей матери, Уты, зато лицо... Лоб, глаза, улыбка... Почти так же выглядел Ингвар в тот день, когда Эльга впервые его увидела, только шрама на брови не хватает. Тогда он был примерно в этих же годах. Почему никто не замечает? Неужели за пять лет образ покойного князя так побледнел в людской памяти?

Или они видят, но молчат?

– На какой день волынян позовем? – спросила Эльга у сына. – Ты готов?

Святослав скривился. На войне он все понимал, но терпеть не мог той хлопотни, что начиналась потом. Волыняне приехали заключать ряд. Теперь предстоял не один день утомительных переговоров: в какой срок и по какому пути новый властитель будет объезжать свои владения, какие и где вдоль этого пути к следующей зиме должны быть поставлены становища, какие и в каком количестве в них должны быть завезены съестные припасы, сколько людей он приведет с собой. А еще размер самой дани и порядок ее сбора! Будет ли князь объезжать селения, осматривать урожай и скотину, считать дымы, дабы знать, откуда сколько надлежит брать, или это сделает сама волынская знать, а ему в становища представят уже собранное? Этот последний способ был проще и удобнее, но для этого нужно доверие иметь...

В земли древлян, смолян, северян, дреговичей киевский князь не ходил полюдьем. Там имелись посадники в основном из числа его родни, которые сами собирали и присылали ему готовое, оставив себе часть на содержание двора и дружины. А посадники, кое-где установив прочные связи с местной знатью, доверяли сбор ей, избавляя веси от наездов дружиной Руси.

На устройство этого порядка ушел не один год: ближние бояре и воеводы – главным образом Мистина, а то и сама Эльга со Святославом то ездили по землям, то принимали посланцев у себя, обговаривая все условия сбора и выплаты дани. А если неурожай? А если зверь вымрет или сбежит в иные края? А если где мор людей и скотины пройдет? А если вражий набег какой случится?

Платить-то люди платят. Но ведь за все это – неурожай, мор и войну – отвечает князь.

Но на Волыни этот порядок можно будет завести лишь лет через пять, а то и десять. Поначалу, пока свежа в памяти война, волыняне должны каждый год видеть князя-победителя, осознавать его силу и помнить, по какой причине теперь вынуждены давать ему дань. Ну и конечно, их старейшины должны привыкнуть пировать с ним по зимам в становищах и своих селах, получать в подарок цветное платье и серебряные шеляги, отправлять всякое лето обозы с товарами в Царьград под охраной княжьей дружины и с княжьей грамотой, покупать там шелка, вино и серебро.

Победа в ратном поле – лишь первый шаг долгого пути. Но именно здесь Святослав предпочел бы остановиться, чтобы дальше все сделалось как-нибудь само собой. Ведь в мире еще столько земель, не выдавших его меча. Столько добычи – скота, красивых девок, цветного платья, дорогих мехов! И все это можно взять прямо сразу, без ряда и устава... А мешки считать – он им что, ключник, что ли?

– Может, ты сама, а? – Святша просительно, будто мальчик, посмотрел на Эльгу. – Матушка! Ну ты же всю эту тягомотину знаешь.

– Твоя дружина на Волынь будет ходить, не моя! Не я с Утой и Предславой пойду по дань, а вы с Улебкой! – Эльга посмотрела на племянника, надеясь на его здравый смысл.

Святослав шумно вздохнул. Возразить нечего: дружина пойдет его, и для него важно, хорошо ли она будет устроена на отдых и накормлена. А все касавшееся дружины для него имело первостепенное значение.

– Не хочешь с волынянами рядиться – сходи к Предславичу, потолкуй о невесте! – якобы шутя, усмехнулась Эльга. – Такая-то беседа повеселее будет, правда, Улебка?

– Какой еще невесте? – Святослав глянул на нее.

– Твоей. Не моей же. Его дочке уже есть пятнадцать – пора вам свадьбу играть. Зайди к нему, пока он здесь, напомни. Скажи: моя княжеская воля, чтобы к Рожаничным трапезам была невеста в Киеве, с приданым и со всем, что полагается. А я уж потом Ярославу позову и с ней о приданом подробно потолкую. Не тяни – с ней, да с воляньями, это разговоры долгие, не до весны же им тут жить.

Святослав воззрился на брата, всем видом говоря: час от часу не легче! Улеб только усмехнулся:

– А что, дело хорошее! Коли выросла наша невеста – так давай ее сюда!

– Давай сюда! – Браня запрыгала, радуясь скорой свадьбе в доме.

– Ну... – Святослав озадаченно почесал лоб, прикидывая, как бы разделаться со всем этим попроще. – Осень... Все равно на Волынь пойду по дань, тогда заодно и в Овруч к нему заеду. Заберу сразу и привезу – и дань, и девку.

– А к Олегу все же зайди сейчас, – без улыбки, настойчиво посоветовала Эльга. – И скажи, чтобы невесту после дожинок снаряжал в путь. Чтобы как поедешь на Волынь, уже свадьбу мы справили.

– А чего так? – Святослав понял, что это говорится неспроста и у матери есть тайная мысль.

– Воляняне на днях к Острогляду в гости ходили...

– Точно! – воскликнул Улеб, почти перебив ее: дома без посторонних любимому племяннику позволялось вольное обращение с братом-князем и теткой-княгиней. – Святко, я ж тебе говорил! – Он обернулся к Святославу. – Эти бороды воляньские теперь к Олегу пути-дорожки будут топтать – они нам неприятели, а друг другу – лучшие друзья.

Эльга одобрительно кивнула: молодой парень, а соображает.

– В гости? – Святослав гневно сжал челюсти. – С-суки! Я им покажу гости, клюй пернатый! Бороды их вонючие повывру и в задницу запихну!

Он ударил кулаком по столу, будто оттолкнулся, и вскочил.

– Сиди! – Эльга выбросила вперед руку, останавливая его.

– Да я сейчас пойду им всем наваляю – будут знать, как у меня под носом квашню месить! Мало им было под Чистославлем – я добавлю!

– Тихо! – действительно повторила Эльга. – Ты им уже навалял. Потому они и здесь.

– Вижу, мало!

– Что они сделали? Киевского боярина навестили? Моему родичу поклонились? Какая в том вина?

– Да вы же сами...

– Я не о том говорю, что сейчас делается. А о том, что из этого может выйти. Мы не в силах помешать, если воляняне с Олегом пересылаться будут. Живут они в одной стороне, земли их граничат – не стену же построим между ними.

– Вот я им сейчас и растолкую...

– Мы сделаем так, что им пересылаться не о чем будет! – перебила Эльга своего слишком горячего сына. – Волянян ты разгромил, они еще много лет не оправятся. А пока будут оправляться, ты женишься на Олеговой дочери. И тогда о чем он с ними толковать будет? Его дочь – киевская княгиня, его внуки – будущие князья всей земли Русской. Как же он тогда тебе изменит – своей дочери, своим внукам на погибель? Не пойдет он на это. Предславич – человек к роду почтительный. Только ты не оставляй ему времени думать, что все по-другому сложиться бы могло. Что мог бы он себе где-нибудь другого зятя сыскать, – в Угорщине, к примеру. А с ним и прикинуть, нельзя ли от Руси оторвать себе кусок – Деревлянь, или Волянянь, или еще что...

– У него что, такие мысли? – присевший было Святослав снова стал медленно подниматься.

– Да нет же! Я на его мысли не ворожу, не знаю. Но пойми ты – пока его дочь при нем, он *может* такое думать! Или другой кто...

– Кто?

– Ее могут похитить. И тем вынудить его перейти на чужую сторону.

– Кто?

– Да мало ли кто? – вступил в разговор Улеб. – Те же угры. Права княгиня: не тани, брате, женись! Будет Олеговна у нас в доме – и заботу с плеч долой.

Святослав помолчал, обдумывая это все. Ума-то ему хватало – просто он, слишком нетерпеливый, хотел бы все дела решать самым простым и прямым путем. Лучше всего – навалить кому-нибудь. Это у него обычно получалось. А что потом... есть матушка, она умная, она придумает.

– Ну, так чего кота за хвост тянуть? – согласившись, он посмотрел на мать и на брата. – Пусть Олег посылает за ней. Привезут, после Коляды свадьбу справим, и горя нет.

Эльга подавила вздох. Она понимала сына: ей бы тоже очень хотелось сбросить все дела с плеч одним движением, как тяжелую шубу на руки отрокам при входе в теплую избу. Но речь ведь не о шубе.

– Зимой добрые люди свадеб не играют. Осенью положено.

– Вы с отцом зимой играли.

– Нам... сложилось так. Я под осень в Киев приехала, да привелось отцу за моим приданным ехать, а когда привез приданое, не ждать же было еще целый год!

– А мне чего почти год ждать? Раз ты говоришь, что надо свадьбу...

– Если мы устроим свадьбу посреди зимы, пойдут разговоры. Будут болтать всякое...

– Но он же ее и в глаза не видел, – заметил Улеб, представивший кое-что из этого «всякого».

– Подумают, что мы боимся... Измены опасаемся.

– Я никого не боюсь! – Святослав вновь гневно сверкнул глазами.

– Конечно! – успокоительно подтвердила Эльга. – Мы самого Кощея не боимся, не то что какого-то Олега! Потому и спешить нам некуда. Сейчас поговорим с ним, твердо условимся, в жатву невесту привезут, на Рожаничных трапезах сыграем свадьбу. И поедешь ты на Воынь, уже как Олега древлянского зять.

Святослав только вздохнул. Мать права, она все рассчитала верно и изложила доходчиво. Но как все это муторно и досадно!

Улеб сзади похлопал его по плечу. Будто хотел сказать: понимаешь, брате, как тебе с матерью повезло?

* * *

Впрочем, Улебу и на свою жаловаться не приходилось.

– Матушка! – Он положил ложку, выждал, пока челядинка уберет горшок со стола, и посмотрел на Уту. – А я когда жениться буду?

За столом были только Ута и дети: Улеб сел с ними, поскольку пришел навестить, а Мистина обедал в гриднице, с дружиной и гостями, коих в праздничные дни собиралось больше обычного.

– А что вдруг озабочился? – Ута оторвала взгляд от младшего, пятилетнего Свени, который все возил ложкой в своей отдельной миске. – Или Святша...

– Княгиня велела ему жениться по осени, – подтвердил Улеб. – Велела идти к Предславичу и с ним условиться, чтобы, значит, не позднее дожинок снаряжал невесту.

– Я поговорю с отцом, – кивнула Ута. – Коли так, то пора и нам собираться...

Поскольку ее сын почти не разлучался с братом, Ута и не пыталась подыскивать себе невестку раньше, чем женится князь. Не раз уже они обсуждали это с Эльгой, но раньше та не видела причин торопиться. Даже поговаривала иной раз, не поискать ли сыну жену подальше где – у угров... у болгар, у греков. Хотя сама не верила: кто бы из князей Христовой веры отдал Святославу дочь? Теперь, видимо, Эльга решила, что хватит шутить – пора дело делать, парень уже совсем взрослый.

– А нам, стало быть, пора внуков нянчить... – пробормотала Ута.

И погладила по голове Свеню. Да уж, ей самой рожать хватит – шестеро, и все живые! Хоть в этом судьба, так сурово обошедшаяся с ней при первом вступлении во взрослую жизнь, оказалась милостива.

Хотя ведь могло бы быть и семеро...

– Ты чего опять не ешь? – отогнав ненужную мысль, Ута обернулась к Свене. – Уже остыло все, сейчас льдом покроется. Мухи придут и будут на коньках кататься.

Велесик и обе сестры покатались со смеху.

– А вот это лодьи Олеговы, из Царьграда идут! – Улеб завладел Свенькиной ложкой, зачерпнул из мисочки гороховой похлебки и повел ее «по волнам» к братову рту. – Из Царьграда идут, разные сокровища везут! Ворота киевские отворяются, сокровища греческие загружаются!

Свеня послушно открыл рот – а как же, если сам Вещий велел!

* * *

– Я сам, ладно? – сказал Мистина, когда Ута вечером передала ему суть этого разговора. – Сейчас время удобное, сделаем, как захотим.

– Ты все-таки думаешь... – Ута с намеком подняла брови.

Дети уже были уложены, в избе не осталось никого, кроме хозяев и ближней челяди, и все же они говорили вполголоса.

– Да. Нужно рядиться с воляньями, и сейчас Эльга со мной ссориться не захочет, – усмехнулся Мистина. – А то я обижусь и уйду, пусть Асмунд разбирается.

Княгиня тоже не хотела бы рядить ряды без помощи Мистины, который имел немалый опыт таких переговоров и мог, пользуясь то угрозой, то лестью, то хитростью, переговорить кого угодно.

– Но ты думаешь... смолянскую невесту нам просить?

– А чего же нет? – Мистину никто не заподозрил бы в том, что он не знает себе цены и мало хочет. – У Святши уже лет пять как две невесты, обе княжьи дочери. На двух таких сразу жениться нельзя, каждая по роду своему сама должна быть княгиней. Значит, одна лишняя. И коли он берет древлянскую девушку, смолянская нам останется.

– И ты думаешь, она согласится? – Ута имела в виду вовсе не девушку, а Эльгу.

– Не сразу, но да. – Мистина кивнул. – Подумает и согласится. Все равно нужно смолянке другого жениха из наших, русских. А мы роду хорошего – довольно, чтобы смоляне не обижались, но не настолько, чтобы вздумали выдернуть скамью из-под Хакона. Вот ты говоришь, надо спешить, чтобы Олег другого зятя не нашел. Верно, но ведь и Станибор смолянский может себе другого зятя найти. Он ждет... сколько? Лет восемь?

– Точно. Эльга в том полюбье Браню понесла, а Бране семь лет – косичку плели.

– И сколько же теперь той девушке?

Ута задумалась и покачала головой:

– Я ее никогда не видела...

– Хорошо, если она не старше Олеговны. Боги, почему я не спросил у Хакона, когда он приезжал? Или хотя бы у смолян, когда ездили через нас... Йотуна мать! – Мистина стукнул

себя кулаком по бедру. – Задумались бы пораньше! С тем обозом передали бы приказ везти невесту. А теперь заново снаряжать...

– Мы еще не договорились.

– Договоримся, – уверенно отрезал Мистина.

– Ты думаешь, она не побоится... Эльга...

Мистина пристально посмотрел на жену. Закут освещался фитильком на ларе, но они двадцать лет прожили бок о бок и понимали друг друга с полувзгляда.

Того, о чем он думал, Мистина не мог сказать вслух даже ночью, у себя дома, за плотно закрытой дверью. У покойного Ингвара остались два сына, а не один, как все думали. Из ныне живущих об этом знали трое: Эльга, Ута и Мистина. Вероятно, еще Асмунд, родной брат Уты, не мог не видеть, что сестрич похож не на того свояка, на какого должен быть похож, но не говорил об этом ни с кем. И сейчас Ута, глядя в глаза мужа, черные в полутьме, видела там много такого, что ее пугало. Нет, не ревности к тому, что раз или два случилось между нею и Ингваром двадцать лет назад, еще до его женитьбы на Эльге, а Мистиной – на Уте. Для столь бесполезного чувства Мистина был слишком умен и расчетлив. Двадцать лет назад, предлагая побратиму Ингвара жениться на ее сестре, Эльга не скрыла, что Ута «тяжела». И взяла с Мистиной клятву, что он ни в коем случае не попрекнет жену – не хотела, чтобы это обстоятельство вдруг выяснилось «внезапно» уже после свадьбы. Мистина согласился. Брак с племянницей Вещего, не уступающей родовитостью самой Эльге, – дорогой подарок, ради этого стоило кое-чем поступиться. К тому же он чувствовал некую вину перед побратимом.

Тогда, двадцать лет назад, Ингвар звался еще не великим и светлым князем русским, а всего лишь младшим братом княгини Малфриды, привезенным сюда как заложник от Ульва волховецкого. Тогда еще все могло повернуться по-иному: муж другой племянницы Вещего, столь же знатного происхождения, мог бы бороться с ним за это наследство на равных. Или почти на равных.

Но Мистина не довел дело до открытого раздора. И еще через два года почти своими руками возвел Ингвара на киевский стол. Его первенец Улеб был кровным сыном Ингвара и его возможным наследником. Но знание этого не мешало Мистине относиться к отроку как к собственному сыну. И желать для него всего, на что тот имел право. Особенно после гибели побратима, на которого Улеб с годами походил все больше и больше...

– Мы не должны... лишать его возможности, понимаешь? – тихо сказал Мистина. – Наш сын имеет право... на многое. Знатная жена поддержит его.

– В чем? – едва слышно шепнула Ута.

– Не знаю. Я не провидец. И я не знаю, чего захочет наш сын пять лет спустя... десять лет спустя... всегда ли он будет в дружбе со своим братом... Будут ли у Святши другие наследники. И мы сейчас, пока судьба не решена, должны сделать все возможное, чтобы помочь ему... в будущем... если понадобится.

– Ты думаешь... надо? – Ута колебалась, предвидя в этом куда больше тревог и опасностей, чем выгод.

– Такие предки, как у него, обязывают стремиться как можно выше. Не бойся, я не стану пинками гнать его к власти, если он не захочет. Но я не смогу взглянуть в глаза отцу и другим предкам в Валгалле, если не сделаю все, что сможет Улебу помочь... на их пути. Пусть даже он сам еще не знает, что ему это может пригодиться. Но он не упрекнет меня, что я *знал* и не сделал для него всего, что мог.

Ута промолчала, а значит, признала его правоту. Она была не честолюбива и вовсе не хотела, чтобы ее сын соперничал с сыном Эльги или еще как-то пытался добиться того, на что ему давало право происхождение от князей и конунгов. Мир в семье она ценила куда выше, чем власть и славу.

Но Мистина прав: как знать, чего захочет Улеб, если когда-нибудь узнает правду?

* * *

Прием волынян Эльга отложила. Чтобы не скучали и не обижались, всякий день кто-то из киевских бояр или воевод приглашал их к себе пировать, но от них не держали в тайне, по какой причине князь заставляет ждать. Первым их пригласил к себе воевода Мистина и охотно поведал, чем занята княгиня-мать: рядится с Олегом Предславичем о свадьбе детей. Свадьбе быть по осени, и к следующей Коляде будет в Киеве и молодая княгиня.

О намерении жениться Олегу объявил сам Святослав, но дальнейшее почти все решалось между Эльгой и Ярославой. Родом ляхская княжна, дочь Земомысла и смуглой болгарки Горяны, та уже сильно располнела, хотя родила тоже лишь двоих детей (и одного прямо сразу потеряла). Пять лет прожив в Деревляни, Ярослава по-прежнему говорила почти только на родном языке, так что Эльга едва ее понимала.

Обсудили постель и перины, сорочки и убрusy, сукно и полотно, сорочка и полсорочка разных мехов, и медведины на лавки, и шитые рушники, и свадебные дары молодой, и положенные обычаем плахты – повседневные и праздничные – и паволоки, и кожухи крытые, и узорочье, и лари, и посуду, и рубахи, свиты, шапки и пояса для будущего мужа, и количество поясов и рушников на подарки свадебным гостям. Посмотрели княжий двор, чтобы будущая теща знала, чего там есть в хозяйстве, а чего нет. Добра у невесты ожидалось не так уж много: не считая приданого самой Ярославы, Олег Предславич владел лишь третьей частью древлянской дани, на которую содержал свой двор в Овруче и небольшую дружину. Почти все хорошее платье, самые дорогие меха и украшения, которые предстояло привезти невесте Святослава, происходили из приданого ее матери: Ярослава не хотела, чтобы дочь в доме мужа стыдилась бедности, а ей самой в Овруче не много требовалось, чтобы затмить окрестных большух.

Вернувшись на Святую гору, женщины сели пить горячий перевар с душицей и мятой, со сладкими пирожками. Настроенная на мысли о содержании дома и хозяйстве, Ярослава все косилась по сторонам, хотя уже не раз здесь бывала: если не давался пир в гриднице, то племянника с женой как ближнюю родню Эльга принимала в жилой избе.

Было на что посмотреть: в княгинином жилище разве что закопченная кровля оставалась такой же, как во всех избах белого света. Бревенчатые стены почти скрывались под ткаными и вышитыми коврами и цветным греческим платьем, развешанным на кольшках по стенам. Над столом вытянулись длинные полки, уставленные блюдами и чашами из белой глины, расписанными цветами, птицами, зверями. Сияли начищенные медные кувшины и блюда, на лавках лежали паволоки, а под ними – пушистые овчины, чтобы мягко сидеть. Принимая гостей, княгиня сидела на большой укладке с самым дорогим добром – резного дерева, украшенной узорными пластинами белой, чуть желтоватой кости, гладкой и блестящей, почти как стекло. Сверху лежали подушки полосатого шелка. Бывавшие здесь торговые гости клялись: на всем пути от Бьёрко до самого Царьграда нет другого столь же богатого дома. Красиво, будто в раю!

– А скажи-ка мне вот что, Земомысловна, – вдруг Эльга вернула к себе внимание гостыи. – Вы ведь не окрестили вашу дочь?

Ута, Предслава и Дивуша перестали жевать и уставились на Ярославу.

– Не, – помолчав, ответила та. – Мой муж не позволял.

– Ты хотела, но муж не позволяет? – повторила Предслава, больше для Эльги и других женщин, поскольку сама привыкла разговаривать с мачехой.

– Так.

Эльга взглянула на Предславу.

– Ее мать была христианка, – вполголоса подтвердила та. – Земомысл не разрешал ей крестить сыновей, но дочерей разрешил.

– Так, – еще раз сказала Ярослава.

– Я тогда его предупредила, – Эльга взглянула на Уту, имея в виду время после Древлянской войны, когда отдала эту землю в управление своему изгнанному из Моравы племяннику. – Киевская княгиня не может быть христианкой. И Олег хорошо это понимает. Он ведь знает, что именно это погубило его отца и едва не погубило его самого. Киевская княгиня – старшая жрица Русской земли. Она возглавляет обряды, приносит жертвы, соединяет всех жен русских и полянских с богами. Она не может быть чужой веры. Иначе у нас и нивы не родят, и коровы телят не принесут, и бабы пустыми останутся. Ну, они так подумают...

Ярослава отодвинула от себя блюдо с пирожками и сердито сказала что-то такое, чего не поняла даже Предслава.

– Пытай мни, – с трудом выговорила гостя, видя недоумевающие взгляды, – я лучше увидеть моя дочь душу спасти, не сидеть на престоле.

– Тогда престолов не видать бы никому из вас, – мягко, но решительно ответила Эльга. – Я позволила Олегу сесть в Деревляни только с тем, чтобы ваша дочь стала моей невесткой. Если бы вы сделали что-то... или сделаете, из-за чего это станет невозможным... вам придется возвращаться к твоему отцу. Или дальше воевать с уграми за Мораву.

Ярослава опустила глаза, но вид у нее был гневный. Она вышла замуж за наследника князей Моймировичей и даже несколько лет звалась княгиней Моравы. Но Олег не удержался во владениях предков, теперь там хозяйничали угры. Дружба с Эльгой дала ему единственную возможность поддержать честь рода.

Эльга знала, что Олег и его жена – тайные христиане, но делала вид, будто ничего не замечает. Древляне, среди которых жил ее племянник, находили себе жрецов своего рода и даже радовались, что «русин» не вмешивается в эти дела. А Эльгу очень даже устраивало, что у Олега нет и не может быть истинной, прочной связи с той землей, где он волею судьбы оказался князем. По их уговору, его зятем и единственным наследником будет Святослав. Сменится еще лишь одно поколение – и Деревлянь навсегда сольется с Русью. Но для этого дочь Олега должна стать княгиней в Киеве. Ее, Эльги, преемницей.

– Значит, договорились, – с легким вздохом, но удовлетворенно произнесла Эльга. – Если она требы приносить не обучена, не беда: на ближайшую жатву ей еще не ходить, а до Коляды я ее всему нужному обучу.

Глава 2

Смолянская земля. 8-й год княжения Станибора

...Еще девочкой мне привелось побывать на том свете. Когда мне исполнилось восемь лет, умерла моя бабка Рагнора. Гибель ее была жуткой: темной весенней ночью ее утащил к себе в могилу недавно похороненный мертвец и проломил ей голову. Так их и нашли: он сидел на своем сиденье в могильной яме, а она, тоже мертвая, лежала у него на коленях. Бабку похоронили, но той же осенью она начала ходить к нам в избу по ночам. Она искала мою старшую сестру Ведому, свою любимую выученицу – смерть помешала Рагноре передать той все, что знала. А без этого старая колдунья не хотела уходить. Однако сестра тогда не жила с нами: на Купалиях она убежала из дому с Равданом и стала его женой, но никто из нас не знал, где она. Ночь за ночью покойная Рагнора простаивала у лежанки то нашей матери, то моей. Однажды я от этого заболела. Через три дня я умерла. Меня положили в бане, одели, оплакали, а потом опустили в бабкину могилу, раскопав начатую насыпь и приподняв деревянный настил – дощатую кровлю посмертного жилища.

И тогда Ведома вернулась. Она звала нас у могилы, как вдруг раскрылась черная земля, и оттуда вышла покойная Рагнора. Пронзительными очами она взглянула на мою сестру, протянула руку и сказала: «Теперь ты пойдешь со мной!» И Ведоме ничего не оставалось, кроме как последовать за ней. Рагнора привела ее в подземные владения властелина мертвых, и там сестра увидела самого Кощея, высокого ростом и статного. Один глаз у него был черен как ночь, а другой багрян, как пылающий уголь. Я сидела на ступеньке у его ног. И Кощей пообещал, что позволит мне вернуться в белый свет, если Ведома станет его женой и проживет у него три года. Так и случилось. Три года она хозяйничала в подземных палатах, где каждый день по триста мужей и триста жен садились за столы в доме, и им закалывали по тридцать телят и тридцать ягнят. Но и когда прошли три года, Кощей не пожелал отпустить мою сестру и меня, и нам пришлось бежать. Мы бы не справились с ним, если бы не помощь бабки Рагноры. Это была женщина удивительной мудрости и силы духа – не даром же она приходилась младшей дочерью самому Харальду Прекрасноволосому, объединителю Северного Пути. У него родилось девять дочерей, но к тому времени в живых оставалась одна Рагнора... Я имею в виду, что застала ее живой и помню, как она рассказывала о своем отце.

Не могу сказать, что хорошо помню свое пребывание в Кошчеевых владениях. Думаю, когда мы бежали, он отнял у нас память. Но очень хорошо помню голос отца, как он рассказывал эту повесть в первый раз в гриднице, перед всеми нарочитыми мужами земли Смолянской:

– ...Но наконец перед ними забрезжил свет, и Ведома увидела, что они с сестрой стоят на погребальном поле возле могилы Рагноры. «Вот вы и дома! – сказала им бабка. – Теперь возвращайтесь к родителям и помните: никогда больше не идите наперекор воле вашего отца!»

Люди тогда удивлялись, что я совсем не повзрослела за три года: как ушла на тот свет восьмилетней девочкой, такой же и вернулась. Но моя сестра стала заметно старше за это время – ей ведь пришлось нелегко. Впрочем, Ведома и сейчас очень красивая. Ее старшую дочь зовут Рагнора. Она родилась после ночи Коляды, когда покойные приходят разделить трапезу с живыми.

Это все случилось восемь лет назад. Сейчас мне шестнадцать – столько же, сколько тогда было Ведоме. Но пребывание на том свете не прошло для меня даром. Мертвые по-прежнему считают меня за свою, и порой я слышу духов. Это происходит на грани сна и яви: когда я должна вот-вот заснуть, в моей голове звучат голоса, предупреждающие о будущих событиях. Они не всегда говорят о том, о чем я хотела бы узнать, но никогда не обманывают.

Поэтому я очень огорчилась, когда однажды вечером вдруг услышала в полусне: «Скоро он умрет!»

* * *

Проснулась Прияна оттого, что кто-то тянул ее за руку.

– Вставай! – настойчиво требовал решительный юный голос. – Янька, вставай!

– Отстань! – отмахнулась Прияна и повернулась на другой бок, но ее потеребили за плечо.

– Вчера обоз пришел из Киева. Ты знаешь? Уже поздно было, мы спали. Может, тебе жениха привезли.

– Чего?

Прияна разом проснулась и села. Рядом с лавкой, где она стелила себе постель, стояла ее семилетняя племянница Рагнора – или Орча, как ту прозвали еще в раннем детстве за громкий голос. А Прияне сразу вспомнилось, что предрекли ей духи перед сном. «Скоро он умрет»...

– Кто тебе сказал про жениха? – в ужасе спросила она Орчу, мигом связав эти две вести из яви и Нави.

– Баба Еглута. Она сказала, видать, тебе вести какие от жениха пришли. Может, скажут, когда уже ехать.

Прияна перевела дух, вылезла из-под куньего одеяла и потянулась за платьем. В избе было тепло: челядь уже протопила печь, дым поднялся к кровле и ушел через оконца. Бросив платье, она сунула ноги в черевьи и пошла к лохани у двери умываться.

Орча последовала за ней – она почти везде, где только можно, ходила хвостом за своей юной теткой.

– А ты меня возьмешь с собой? – Пока Прияна умывалась, Орча держала конец ее косы, чтобы не падал в лохань. – Ну, в Киев?

– Тебе-то чего там?

– Мне ведь тоже нужен жених, – рассудительно пояснила Орча. – Когда ты обручилась, тебе сравнялось восемь лет, да? А мне уже семь.

– И что толку от того обручения? – Прияна взялась за полотенце. – Жениха все не видно и не слышно. Я бы лучше, как твоя мама, сама свою судьбу поискала.

Голос ее из-под полотенца звучал глухо.

– Мама сказала: так не надо делать, – возразила Орча. – Она вот сама по себе вышла замуж – за это бабка пришла из могилы и забрала вас с ней обеих.

Прияна натянула платье из тонкой рыже-коричневой шерсти, подпоясалась тканым пояском – из первых работ Орчи, поэтому несколько неказистым и неравномерной ширины, – и стала расчесывать косу. Она выросла высокой – в мать и сестру, – и светло-русые волосы спускались ниже пояса. Орча пристроилась рядом и стала расчесывать ей пряди с ближней стороны.

– А тебе было страшно? – уже не в первый раз спросила она. – Это ведь очень страшно, когда в могилу кладут и крышку сверху закрывают? Я бы у-мер-ла от страха, брр! – Девочка выразительно передернула плечами, содрогнувшись всем телом.

– Я не помню, – честно ответила Прияна.

– Но как ты можешь не помнить? Тебе было на год больше, чем мне, а я все про себя помню.

– У нас Кощей забрал память. Мама ведь тоже не помнит? Ты сто раз у нее спрашивала. Орча помолчала.

– Если бы меня забрал Кощей, я бы ничего не забыла! – пробормотала она. – Ни капельки! И теперь бы я точно знала, как там все!

Прияна вздохнула. Когда она пыталась что-то вспомнить о своем пребывании в Кошеевом подземелье, в памяти вставал лишь отец и его рассказ. Но зато как выразительно звучал его

голос, как искусно и красноречиво велось повествование! Она как наяву видела перед собой то, о чем он говорил: огромные палаты, где за столом сидели по триста красиво одетых мужей и триста нарядных жен, золотые чаши, сиявшие так, что не требовалось огня, роскошные цветные одеяния на стенах – вроде тех, что киевская княгиня Эльга присылает в подарок своему деверю, воеводе Хакону из Смоленска, и княгине Прибыславе. Видела и самого властелина Закрадьи – высокого, как дерево, темного, почти неразличимого. Наверное, она просто боялась на него смотреть, вот и не запомнила ничего толком.

Болтались в голове лишь смутные воспоминания, что какой-то срок – не то до своей временной смерти, не то после – она долгие дни сидела в избе и ее не пускали гулять. Они оставались тогда вдвоем с матерью: бабка Рагнора уже умерла, а сестра Ведома как раз убежала замуж. Дома было скучно. Даже девочек поиграть к ней не пускали почему-то. Эти обрывки сливались с ярким впечатлением от отцовского рассказа, и Прияна уже не могла различить, где свои воспоминания, а где впечатления от чужих слов. К тому же впечатления и образы, рожденные отцовским рассказом, казались куда ярче и полнее.

Вся земля Смоленская знала, что обе дочери покойного князя Свирьки побывали на том свете. Но родители погибли в один день, прямо сразу после тех событий, и их уже ни о чем не спросишь...

Да и все потом изменилось. В Свинческе появился новый князь – Станибор, дальний родич матери. Жену ему привезли из Киева – она приходилась родственницей тамошней княгине Эльге и правнучкой Олегу Вещему. Воеводой у князя стал Равдан – муж сестры Ведомы. Прияна жила при них. А еще имелся воевода Хакон – он обретался в новом городе Смоленске, в десяти поприщах отсюда, и следил за тем, как смолянские мужи нарочитые собирают дань для киевских князей.

И туда, в Киев, однажды вместе с данью предстояло уехать и Прияне. Чтобы стать новой княгиней Русской земли. Ибо почти сразу после того, как она вернулась с того света, а отец и мать туда отправились, ее обручили со Святославом, сыном Ингвара киевского.

Вскоре после того обручения – весной, как сошел с Днепра лед – Святослав проезжал через Смоленскую землю, направляясь на Ильмень. Там по решению Ингвара заложили новый город, названный Святославлем. Но не прошло и двух лет, как Ингвар погиб во время полюдья в Древлянской земле, и Эльга спешно вызвала сына назад в Киев. Когда он той зимой ехал с севера на юг, то очень торопился: переночевал в Смоленске, а сюда, в Свинческ, заехал лишь на вечер ради родственной вежливости. К его приезду уже собрали войско, и на следующий же день Святослав со своей дружиной ушел дальше, вниз по Днеру, а с ним и Равдан со смолянами.

С тех пор миновало шесть лет, но Прияна больше ни разу не видела своего жениха. Считай, вообще не видела, – думала она, понимая, что за эти шесть лет тот мальчик, с которым она говорила в гриднице, перестал существовать. А тот мужчина, который из него получился, был ей совершенно незнаком. Увидит – не узнает. Ведь, наверное, он и ростом стал повыше?

Войдя в возраст невесты, Прияна все чаще задумывалась о своей судьбе и все с большим нетерпением ждала ее решения. Русская земля! Киев! Этот далекий край и его владыки казались ей даже менее знакомыми и понятными, чем Закрадьи и его темный повелитель.

* * *

Никого из киевлян при обозе, конечно же, не оказалось: только свои, не считая купцов, едущих дальше – ловатичей, поозёр, ладожан, плесковичей. Это был обычный торговый обоз, который уходит из Киева вверх по Днепру сразу, как встает река и устанавливается санный путь, и увозит на север товары, доставленные летом от греков. Тем не менее приход киевского обоза считался самым значительным событием между Колядой и Медвежьим днем. По этому случаю к князю собирались все нарочитые мужи из Смоленска, Свинческа и окрестностей,

торговые гости распродавали привезенное и закупали меха зимней добычи. На княжьем дворе готовились к пиру: пекли хлеб, ставили новое пиво.

В назначенный день из Смоленска прибыл воевода Хакон – или Пламень-Хакон, как его звали почти от рождения. Знатностью он не уступал князю Станибору, ибо приходился родным младшим братом покойному киевскому князю Ингору и, соответственно, дядей нынешнему князю Святославу. Рослый мужчина, чуть за тридцать лет, красивый, с рыжей бородой и такими же рыжими волнистыми волосами, он с молодости любил одеваться в красное, и сейчас на нем тоже был кожух из щипаного бобра – дорогого меха, приличного только людям знатного происхождения, – покрытый красной шерстью с красной же шелковой отделкой.

Прияна смотрела на него с волнением. Свинчские купцы, люди Станибора, уже рассказали, что никаких особенных новостей не привезли, но она все же надеялась, что люди самого Хакона знают больше.

Старая, еще воеводой Хрингом выстроенная гридница наполнилась народом: послушать новости полуденных земель собрались лучшие люди Свинческа и окрестных поселений. И все с любопытством косились на Прияну. Старшие хорошо помнили войну с Киевом, после которой тогда еще маленькую дочь погибшего в сражении князя Сверкера обручили с сыном его победителя. Девочка выросла и стала взрослой девушкой, годной в жены. И все эти восемь лет над Прияной подшучивали: дескать, как там жених, не едет ли? Она уже слышать не могла эти шуток.

Старики переглядывались, но кланялись ей при встрече с самым почтительным видом. Всякий согласился бы, что эту девушку сами боги предназначили стать княгиней могущественной державы. Правильные черты ее лица были основательны, губы полны и ярки, лоб высок и широк – сказывались северные предки, – тонкие брови внешними концами приподнимались к вискам. Большие серые глаза смотрели так пристально и пытливо, что люди старались не встречаться с ней взглядом – особенно помятуя о ее замогильном прошлом.

Приветствуя гостей, она стояла возле сестры, воеводши Ведомы, – прямая, с гордо поднятой головой. Казалось, держать осанку ей помогает тяжесть светло-русой косы ниже пояса. На шитом серебром очелье висели по сторонам лица кольцевидные привески из серебра, звеневшие при движении. На пир Прияна оделась в свейское платье: голубую льняную сорочку, синий хенгерок с отделкой узорного темно-синего шелка, заколотый крупными позолоченными застежками, унаследованными от бабки Рагноры. На шее и на груди между застежками висели ожерелья из синих и желтых бусин с серебряными подвесками.

Ясное лицо ее было холодно и невозмутимо. Во всей Смоленской земле не нашлось бы более знаменитой невесты: все знали, что Прияслава, Сверкерова дочь, происходит от древних королей земли варяжской и от исконных князей смолянского племени, а к тому же побывала на том свете и вернулась живой. Ее родным не дали бы покоя сваты, но весь свет знал также и то, что она обручена.

Воевода Хакон выглядел хмурым, бледным и часто покашливал. Однако при виде дочерей покойного Сверкера он улыбнулся: они вели свой род от самого Харальда Прекрасноволосого и также состояли в дальнем родстве с конунгами Свеаланда, поэтому он всегда держался с ними более любезно, чем даже с самим Станибором. Нынешнего князя смолян Хакон в глубине души считал выскочкой и сыном лесной ведьмы: если бы не Сверкер, когда-то перебивший почти весь род смолянских князей, Станибор никогда не оказался бы на их столе. Но сейчас его положение было надежно: смоляне и прочие днепровские кривичи признавали его, с голядской знатью его связывало родство через мать, а с киевскими князьями – через жену, княгиню Прибыславу.

– Будь цел, Улебович! – Прибыслава первой вышла Хакону навстречу и поцеловала его. – Ты нездоров? Зачем ехал в такую даль?

– Ничего, отлежусь, – отмахнулся Хакон. – Надо же послушать, какие дела на свете творятся.

Двое из купцов, Ольмар и Миродар, дома не были давно: еще по весенней большой воде они ушли в Киев, а там вместе с княжеским обозом отправились за Греческое море, в Царьград. Теперь у них нашлось что порассказать. Они побывали в киевской христианской церкви Святого Ильи на Ручье, видели священника, Ригора-болгарина. Все желающие могут принять там Христову веру, и многие из торговых людей, бывающих за Греческим морем, именно так и поступают.

– Вот видите! – воскликнула княгиня Прибыслава. – В Киеве есть своя церковь и священник! Теперь киевлянам за крещением ездить за море не нужно! А мы что же? Вот ты, князь, говоришь! – Она выразительно посмотрела на мужа. – Наши купцы за море ездят с киевской грамотой и крещение принимают в Киеве! Не стыдно ли? Давно бы уже попросил и себе священника, поставили бы церковь, и ездили бы наши гости со своей грамотой, ничем киевских не хуже!

Княгиня происходила из семьи Предславичей – потомков княжеского рода, сто лет назад правившего в Мораве, но изгнанного оттуда уграми. Ее отдаленный предок, князь Ростислав, принял крещение одним из первых среди славянских владык, и семья сохранила склонность к Христовой вере, несмотря на все превратности судьбы. Прибыслава не была крещена, но давно внушала мужу мысль: если кто-то из князей, под рукой Киева суших, примет христианство, то еще неизвестно, кто под чьей рукой впоследствии будет состоять...

– Да чтоб мы стали греками рядиться! – с негодованием отозвалась воеводша Ведома. – Христиане эти ни роду ни племени не различают. Ольмар, расскажи еще про тамошнего княжича, а то Улебович не слышал.

Хакон усмехнулся в рыжую бороду: про «княжича», то есть молодого василевса Романа, он уже слышал от своих купцов. Не достигший еще двадцати лет сын Константина успел овдоветь и связался с девушкой по имени Анастасо – очень красивой, но безродной. Ее отец содержал гостинный двор, а она не просто работала там, но и служила наложницей всем желающим... Однако, несмотря на это, Роман обвенчался с ней и объявил своей законной женой!

– И вот таких блудящих девок князья греческие в жены берут и княгинями ставят! – возмущалась Ведома. – С гостиного двора! Срамно и подумать, чтобы наши князья и бояре до такого дожили. А вы говорите – христиане!

– Да, да! – насмешливо подхватила Еглута, мать князя Станибора. – Мы вот уж тут думали, может, Святослав-то Ингоревиич себе тоже кого нашел... в гостином дворе, а про нашу невесту и забыл?

Прияна стиснула зубы, надеясь, что в полумраке гридницы, освещенной только факелами на стенах и огнем в двух очагах, ее досадливый румянец не будет особенно замечен. Кому другому она бы ответила, но перед княжьей матерью приходилось молчать. Тридцать лет назад Еглута была лишь одной из многих младших невесток на Ведомилевом дворе. Но голядка сделала то, чего не удалось больше никому из Велеборовичей: сумела сохранить жизнь и свободу себе и своему сыну, когда русин Сверкер захватил власть над днепровскими кривичами и истребил княжий род. Двенадцать лет Еглута прожила в глухом лесу, в то время как ее подрастающий сын носил волчью шкуру вилька⁴. И только после того как киевский князь Ингорь одолел Сверкера, Еглута и Станибор смогли объявить о своих правах.

Когда Станибор водворился в Свинческе, Еглута тоже покинула чашу и стала жить при сыне. Она теперь называлась «старая княгиня» в противовес привезенной из Киева молодой

⁴ Вилькаи – местное название «мужского союза» охотников, зимнюю часть года живущих в лесу, в ритуальном отрыве от человеческого общества. В основном членство там временное – несколько лет от наступления подросткового возраста до женитьбы, но некоторые остаются там круглый год. Название образовано от балтского слова «вилькай», что значит «волки».

княгине русского рода – Прибыславе. Таким образом, в Свинческе проживало целых четыре женщины из владетельных родов, так или иначе связанных с прежними и нынешними князьями.

А если все пойдет как уговорено, то юная Прияна станет княгиней в Киеве и тем превзойдет свою родню.

– Да, Улебович! – Ведомая, озабоченная судьбой младшей сестры, посмотрела на Хакона. – Что твои люди говорят? Толковали они с Эльгой про нашу девушку?

– Толковали. – Хакон с недовольством поджал губы. – Да толку не добились. Сказала Эльга, мол, рано сыну жениться...

– Рано? – возмутилась Ведомая. Сама она вышла замуж за человека куда ниже родом и поэтому особенно стремилась к тому, чтобы ее сестра вступила в наиболее почетный брак. – Да ему же... двадцати еще нет, да? Но он меч получил... – Она задумалась. – Свой Святославль строить он ехал... семь лет назад. Как Орча родилась. И уже отроком. Ему девятнадцать лет! У иных молодых уже дети трехлетние в такие годы!

– Может, хворый какой? – усмехнулась Еглута.

– Да какой же хворый! – покачал головой Миродар, недавно видевший Святослава. – Князь удал и здоров. Ростом не очень вышел – в отца, зато могуч, как дубок.

– Может, мать не хочет молодой княгине уступать? Сейчас ведь она – среди всех киевских жен первая, а как появится у князя супруга, так материн срок выйдет: ее дело вдовье.

– Может, и так, – не стал спорить Миродар. – А может, иное дело...

– Какое? – нахмурилась Ведомая.

– Не по нашему бы уму княжьи свадьбы судить...

– А ты, Улебович, что скажешь? – Ведомая повернулась к Хакону. – Ты знаешь, почему твой племянник с женитьбой тянет?

Хакон тяжело вздохнул и покосился на приехавшую с ним жену. Соколина приходилась родной дочерью знаменитому воеводе Свенельду, который оставил ей в наследство прямой и решительный нрав. Благодаря ему она не боялась «княжеских баб», хотя знатностью, будучи дочерью пленницы-уличанки, им сильно уступала.

– У Святослава есть еще одна невеста, – прямо сказала Соколина. – Дочь Олега Моровлянина. Когда они заключали договор после Древлянской войны, то условились, что Святослав женится на Олеговой дочери и их сын получит в наследство Деревлянь. Я сама при этом была.

– Ну и что нам до той Деревляни? – сердито откликнулась Ведомая. – Пусть он хоть троих сыновей туда посадит.

– Эльга хочет, чтобы этот сын родился первым, – пояснил Хакон. – Тогда он унаследует права и на Киев, и на Деревлянь. Сейчас в Деревляни правит Олег Моровлянин, а его внук объединит обе земли в одних руках. У древлян больше не будет собственных князей, и Русь сможет не тревожиться, что оттуда снова придут смута и раздор. Но та девушка моложе Прияны. Эльга ждет, пока она подрастет. Тогда Святослав женится сначала на ней, а потом, когда у нее родится сын, сможет брать и других жен.

– Разве так мы уговаривались? – Ведомая требовательно посмотрела на Станибора. – Что моя сестра – внучка Велеборовичей и правнучка Харальда нурманского – в младшие жены пойдет? Да она родом получше самой Эльги будет!

– Мы договаривались не так. – Станибор покачал головой и взглянул на смолянских бояр. – Когда их обручали, мы нашу невесту сговаривали в старшие жены и княгини.

– Война Древлянская случилась после того через два года, – напомнила Соколина. – Эльга хоть и мудра, да грядущего в воде не смотрит.

– Забыла, стало быть, про нас за те два года? Мы ведь уговор не забыли. У нас ее сестра в княгинях. – Ведомая посмотрела на Прибыславу. – И если Эльга нарушит уговор и мою сестру в младшие жены определит... нам такого сватовства вовсе не надо!

Гости за столами негромко гудели; лучшие люди молчали. Киев и Смоленская земля взаимно нуждались друг в друге. У киевского князя писали грамоту, в которой указывалось количество посланных в Греческую землю кораблей с товарами; этого требовал договор с греками, заключенный еще князем Ингорем. Зато земля смолян лежала между полуденными и полуночными владениями Святослава – между Киевом и Волховцом. Раздоры в этих местах сильно помешали бы благополучию Русской земли и навредили бы торговле. Ссориться не хотел никто, поэтому и Станибор, и Хакон медлили с ответом.

Но непримиримое лицо Ведомы показывало, что с бесчестьем сестры она не смирится. А за ней стоял не только муж-воевода, но и его родня, а с ними и немалая часть смолянской знати. Тех людей, с которыми, собственно, Ингорь киевский и заключал договор восемь лет назад.

– Выслушай, что скажу, воевода! – С места поднялся Краян, свекор Ведомы. – Сноха моя права: уговаривались мы деву отдать Святославу старшей женой, чтобы стала княгиней киевской. В младшие жены не отдадим ее, то нам бесчестье. Мы хоть Киеву дань платим, а дочерьми своими не торгуем.

Прияна опустила голову. Она была благодарна свату, что вступился за ее честь. Но холодело в груди от сознания, что ее восьмилетнее обручение трещит по швам и вот-вот может быть расторгнуто. Это убережет ее от низкой участи, но не спасет от дурной славы.

– С весенним обозом пошлем к Эльге, – ответил Хакон. На его лице отражалось недовольство, но он не спорил, сознавая, что смоляне правы. – Напомним прежние условия. И если Святослав не пожелает брать нашу девушку в старшие жены, то мы расторгнем это обручение... и, может быть, предложим ему другую невесту в знак нашей дружбы.

– Родом попроще, – холодно уточнила Ведома.

* * *

В этот вечер Хакон не поехал домой – слишком поздно и холодно, чтобы одолевать десять поприщ, к тому же он был нездоров. Ведома устроила его со спутниками в гостевой избе – одной из тех, где прежде обитали покойные родичи, а теперь размещались почетные гости.

Печь протопили за время пира, дым ушел. Пока гости устраивались, явилась Ведома с горшочком, укутанным в тряпье.

– Заварила тебе девясил. – Она поставила горшочек перед Хаконом. – Выпей на ночь, пока горячий.

Хакон благодарно кивнул. Его жена сама учила троих маленьких сыновей ездить верхом, стрелять и даже сражалась с ними на деревянных мечях – пока не пришло время отдавать их на руки наставнику-мужчине. Соколину, казалось, сами боги создали дочерью, женой и матерью воевод: рослая женщина, не так чтобы очень красивая лицом, она имела очень внушительный вид. После четырехкратных родов (ее единственная дочка умерла совсем крошечной) она могла бы погрузнеть, но благодаря езде верхом и упражнениям в стрельбе оставалась лишь крепкой и сильной. Лицо ее обветрилось с годами, и она выглядела, пожалуй, на несколько лет старше Ведомы, хотя была на год моложе. Но яркий блеск ореховых глаз и неизменный свежий румянец делали Соколину весьма привлекательной.

Однако женскими премудростями она, сама выросшая почти без матери, не владела, и княгиня Эльга с сестрой Утой еще перед свадьбой постарались подобрать для Соколины челядинок, которые все умеют делать сами: прясть, красить, ткать, шить, стряпать, ходить за детьми и скотиной... Но если в Смоленске кто-то заболел, то посылали за Ведомой. Она и Еглута принимали у Соколины роды и лечили ее детей. В будущем обе семьи предполагали породниться, поженив отпрысков. Смоленская знать и киевские князья, ближайшим родичем которых был воевода Хакон, нуждались друг в друге и стремились жить в ладу.

– Я еще что подумала... – Поставив горшочек, Ведома медлила у стола, не уходя. – Может, в Киеве слышали, что-де Прияна моя на том свете побывала... умерла да ожила... Может, из-за этого Святослав и Эльга ее брать в семью не хотят? Боятся... А то скажут, мертвую девку нам в невестки даете...

– Я бы тоже испугался, честно говоря, – усмехнулся Хакон, грея руки о теплый горшочек. Даже в натопленной избе он зябнул и кутался в свой кафтан на щипаном бобре.

– Но она ведь уже вернулась оттуда, когда вы ее сговорили? – спросила Соколина. – Разве Эльга об этом не знала?

Хакон и его жена появились в Смоленске года три спустя и не были свидетелями тех событий.

– Не знаю, слышала ли она тогда, – покачала головой Ведома. – Я ей не рассказывала... Не помню, чтобы кто-то из наших говорил об этом с ней и с Ингорем.

– Тогда они могут обвинить вас в обмане! – воскликнула Соколина. – Скажут, что вы утаили от них важный недостаток невесты – что она на самом деле мертва! Если родичи невесты скрывают от жениха важный недостаток, это законный повод разорвать обручение. Уж Эльга не упустит – она все законы и обычаи знает лучше, чем сам Перунов дуб!

– Мы не собирались ее обманывать! – с досадой возразила Ведома. – Напротив. Мы *не стали этого делать!* Киевлянам никто не говорил... потому что Прияна вовсе не умирала! Она такая же живая, как вы и ваши дети, дай им Макошь здоровья. Эту сказку про Кощея и его подземные палаты придумал наш отец. Сначала пустил слух, будто Прияна умерла и ее похоронили в могиле бабки Рагноры – он так пытался заманить меня обратно домой. И заманил. А по правде сестра была жива и здорова, а вместо нее в могилу положили какую-то девочку из челяди проезжей. Приянку просто не выпускали из дома, а всем рассказывали, что она, дескать, захворала и умерла. А когда я объявилась, отец всем поведал, что я, мол, ходила за сестрой на тот свет. Потому я сперва исчезла, потом вернулась – молодуха, но без мужа. А сестра опять вот жива-здорова.

– Ловко придумал! – хмыкнул Хакон, отпивая из горшочка.

Он и раньше подозревал, что в этой саге об умершей и воскресшей Прияне больше бабьих домыслов, чем правды. А теперь выяснил, что бабы-то здесь ни при чем.

– Ловко-то ловко. Зато девку на всю жизнь ослабил... будто она мертвая среди живых. И не спросишь с него теперь. Да и как нам род опозорить – отца родного лежцом выставить. И так ему досталось, пусть уж в Валгалле пирует спокойно...

Ведома вздохнула. Между нею и покойным Сверкером никогда не водилось горячей любви, а восемь лет назад они на какое-то время стали врагами. Но судьба смиростивилась над Ведомой, а смерть поневоле примирила молодую женщину с отцом. Однако кое-какие последствия тогдашних событий сказывались и сейчас, и она не видела способа от них избавиться.

– Вы не говорите здесь об этом, – попросила она Хакона и его жену. – Но когда будешь весной посылать людей в Киев, пусть они передадут Эльге и Святославу: Прияна вовсе не умирала. Она такая же живая, как любая девка. Я поклянусь чем угодно. Жаль, из отцовской дружины не осталось никого – они могли бы подтвердить, что клали в бабкину могилу вовсе не Прияну. Но наших хирдманов уже нет.

Ведома вздохнула. Дружина Сверкера, возле которой она выросла, полегла в сражениях с киевлянами, а оставшиеся разошлись по белу свету в поисках более удачливых вождей. Больше не было рядом тех людей – Гери, Дагмунда, Арни Брюхо, – которые мрачным утром поздней осени увидели ее, Ведому, сидящую на погребальном поле над могилой Рагноры и в горести зовущую свою маленькую сестру. Сказ о Ведоме, три года прожившей в женах у Кощея, знали и любили в округе. Былое стало преданием, и всего-то восемь лет спустя сделалось почти невозможно различить правду и вымысел, вольный и невольный.

– Но постой. – Хакон вдруг нахмурился. – Ты говоришь, твоя сестра не умирала. Но ведь известно, что она знает будущее и вынесла это знание с того света. Выходит, она... выдумывает?

– Вовсе нет! – горячо возразила Ведома. – Она ничего не выдумывает. Но это у нее не от Кощея. Она – внучка нашей бабки Рагноры. Бабка мало чему успела Прияну научить, но ей досталось кое-что другое... Ах! – Ведома заломила руки, не зная, как это объяснить. – Мне сдается... духи тоже верят, что Прияна ближе к ним, чем другие живые! Но скажи мне, – она пристально посмотрела на Хакона, – разве для княгини это так уж плохо? Твоя мать, дроттнинг⁵ Сванхейд, тоже умела говорить с духами!

– И она когда-то одобрила это обручение! – подхватил Хакон. – Я и об этом напомним Эльге. Наша мать никогда не ошибалась. Эльге придется признать это: ведь именно по воле нашей матери Святослав единолично владеет всем, что раздобыли его предки. А я, брат его отца, собираю для него дань с кривичей...

* * *

Рано утром, в глухой зимней тьме, в воеводскую избу постучали: Соколина послала за Ведомой.

– Совсем наш князь расхворался, – сказал Ведоме Оки, Хаконов оружник. Он когда-то приехал с молодым еще Хаконом сыном Ульва из Волховца и всю жизнь называл его князем. – Дрожит, как на морозе, а сам горячий, будто горшок в печи. Опять прихватило...

– Сейчас приду, – кивнула Ведома и устремилась к большому ларю, где хранила разнообразные лечебные травы.

Старая королева и колдунья Рагнора обучала Ведому до шестнадцати лет, и она немало переняла от наставницы. Бабка не успела научить ее накладывать проклятье: в ту самую ночь, когда она собиралась передать это умение внучке, Рагнору и погубил вышедший из могилы мертвец. Дети Ведомы, а заодно чада Станибора и Соколины обожали эту жуткую повесть и часто, особенно осенними и зимними вечерами, вновь просили ее рассказать. Только муж Ведомы, воевода Равдан, а с ним и сам князь Станибор этого не любили: менялись в лице и старались уйти подальше, чтобы ничего не слышать. Маленькие дети у них за спиной переглядывались и даже порой шептались друг другу с насмешкой: а батё-то страшно про мертвецов слушать!

Знали бы они... Но Равдан и Станибор очень надеялись, что их жены и дети никогда не узнают, что случилось в ту жуткую ночь на самом деле...

Ведоме уже исполнилось двадцать четыре года. Несмотря на троекратные роды, она только сильнее похудела. Лицо ее, обрамленное белым женским убрусом, утратило девичью свежесть и мягкость, стало более жестким, щеки были чуть впалыми, подчеркивая скулы. Глаза казались большими, и взгляд их порой внушал жуть. В округе хорошо помнили все ее тогдашние приключения: и как мертвец утащил ее бабу, которая как раз привела внучку на погребальное поле творить черную ворожбу, и якобы трехлетнее замужество за Кошеем. Для красного словца Сверкер тогда говорил людям, что в мире мертвых миновало три года, но подземный владыка вернул его дочерей в те же дни, из которых они ушли, поэтому они не повзрослели. И Ведому до сих пор иногда спрашивали, так сколько же ей лет: двадцать четыре или все двадцать семь? Хорошо, что Равдан, ее муж, очень хорошо знал, что время своего отсутствия в Свинческе она провела с ним, а не с Кошеем, и ни на какие три года против природы не постарела. Но и он порой замечал в ее серых глазах могильную тень – наследство колдуньи Рагноры.

⁵ Drottning (древнесканд.) – королева.

В избе лишь огонек лучины немного разгонял тьму, и Ведома велела Орче посветить. Подняв крышку ларя, она стала перебирать льняные мешочки с травами; часть ее припасов хранилась в многочисленных берестяных туесах на длинных полках.

– Вот это брусничный лист, – вполголоса, чтобы не будить мужа и младших, поясняла Ведома старшей дочери. У Орчи просто не было иной судьбы, кроме как стать знаменитой травницей, наследницей матери и бабки. – Помнишь, как мы его собирали? А когда?

– Весной...

– Ранней весной, как снег сошел и пока брусника не зацветет. А потом – осенью, как ягода поспеет. Отвар брусничного листа жар унимает, кровь затворяет, раны заживляет...

Постепенно Ведома разложила вокруг себя мешочки: с травой душицей, корнем дудника, желтыми цветками коровяка, издающими тонкий запах меда. Лист липы, почки сосны. Гусиная травка – для снятия жара.

Все это она применяла и раньше. Хакон лихорадило весной и осенью, уже не первый год: это было у них в роду. Двоих его старших братьев лихорадки утомили еще детьми, то же случилось с его племянником Оддом – сыном сестры Мальфрид и Олега Моровлянина. Дважды за время жизни в Смоленске Пламень-Хакон тяжело болел и долго потом оправлялся. И вот огневица застигла его в третий раз, притом не дома.

В гостевой избе Ведому встретила хмурая и невыспавшаяся Соколина. Она еще не умылась, и косы под повоем лежали криво, не чесанные со вчерашнего дня.

– Всю ночь то жар, то озноб, – вместо приветствия сказала она. – Ни он не спал, ни я сама.

Ведома прошла к лежанке. Хакон лежал в полузабытьи: у него как раз окончился приступ жара и теперь бил озноб. Он тяжело дышал, а на шее с правой стороны проступили большие красные пятна. Губы отливали синевой. Он покашливал и неосознанно морщился от боли. Ведома вздохнула: все так, как она и опасалась.

Не существует таких чудодейственных трав, что вылечивали бы хворь и прогоняли огневицу за один раз. Ведома поила воеводу отварами трав с медом, положила ему под изголовье руническую палочку, которая прогоняет болезнь за девять дней. Однако жар не спадал, кашель усиливался, в мокроте появилась кровь. От слабости Хакон не мог даже сесть на лежанке, и Соколина кормила мужа с ложки кашей из растертого овса, но и это он едва мог глотать.

Еще через пару дней началась «ржавая лихорадка» – от свернувшейся крови мокрота стала цвета ржавчины.

Соколина почти не спала, не доверяя челяди, и только один раз съездила домой проверить детей. Ведома предлагала привезти их в Свинчеськ, но Соколина не хотела, чтобы отец умирал у них на глазах. Сама она ходила молчаливая и мрачная. Днем отсыпалась понемногу, пока с Хаконем сидели другие женщины, а ночью вставала на стражу. Прияна не сомневалась: Соколина не столько стремится оказать больному помощь, сколько ждет. Ждет Марену. А дождавшись, вызовет на бой. Прияне так и виделось это: белая фигура хозяйки Закрадьи с серебряным серпом – и Соколина, с копьём наготове стоящая между смертью и лежанкой мужа...

Увидев «ржавчину», Ведома решила приготовить дорогое, но сильное средство: смесь красного греческого вина, бычьей желчи, сока чеснока и лука. Готовить это зелье северных знахарей ее тоже научила бабка Рагнора: кривичи его не знали. Для его изготовления приходилось жертвовать целым быком, но Соколина согласилась без колебаний: муж дороже.

Только дней через десять руническая палочка и прочие средства оказали действие: жар и озноб отступили, кашель поунялся. Набравшись сил, чтобы хотя бы сидеть в постели, Хакон позвал к себе Равдана: ведь он уже пропустил время, когда обычно отправлялся в полюдье за данью для Киева. Обычно они выезжали вместе: дружина описывала круг по землям днепровских кривичей, останавливаясь в становищах, куда местные нарочитые мужи свозили собранные с родовичей шкурки, бочонки меда, круги воска или железные крицы. Размер дани был

одинаков: куница с дыма, но выплачивалась она по уговору, кто что мог дать и в чем воеводы нуждались. Собранное делилось между князем Станибором и Хаконем, и последний две трети своей доли отсылал в Киев. Тем не менее на бедность он пожаловаться не мог, поскольку, как ближайший родич княжеской киевской семьи, отправлял свои товары в Греческую землю без пошлин.

– Заждался я тебя, брат! – Равдан улыбнулся, бережно пожимая влажную от пота руку киевского воеводы. – Хотя и хорошо зимой у печки сидеть, да надо же и службу исполнять.

– Еще дней десять подожди, – слабым голосом попросил Хакон. Он старался делать короткие неглубокие вздохи, иначе опять нападал кашель и грудь пронзала резкая боль. – Скоро поднимусь.

– Куда ему ехать? – Соколина стояла рядом, сурово скрестив руки на груди. – Собирайся, воевода, я сама с тобой в полюдь пойду.

– Ты? – Равдан засмеялся от неожиданности.

Описывая когда-то Кощея, потустороннего супруга Ведомы, князь Сверкер говорил, что у того один глаз черен как ночь, а второй багрян, как пылающий уголь. На то время Сверкер уже однажды видел своего зятя, но не знал, что это он и есть. Над левым глазом у Равдана багровело родимое пятно, благодаря чему мать-голядка и дала ему имя, означавшее «багряный» или даже «кровавый» – при рождении это пятно приняли за не смытую с личика младенца кровь. Незнакомые вздрагивали при первом взгляде на воеводу, но близкие любили его за веселый нрав и сообразительность. И особенно отважным его считали потому, что он не побоялся взять за себя женщину, до того жившую в женах у Кощея... Высокий ростом, за прошедшие годы Равдан еще раздался в плечах и достиг расцвета телесных сил. Русая борода стала густой и красивой, но серые глаза смотрели по-прежнему с задором и вызовом.

– Мужа не пушу, – решительно продолжала Соколина. – Помрет он там, до Ольховичей не добравшись, дети сиротами останутся. Сама поеду. А если так уж нужны портки, – она уперла руки в бока и с вызовом глянула на Равдана, – то могу Войку взять! Ему уже пять сравнялось, в седле сидит крепко!

Равдан засмеялся, вообразив дружину под предводительством пятилетнего воеводы Владивоя Акуновича.

– Пусть едет! – Хакон лежа махнул рукой. – Эта баба не на то еще способна.

– Ну, тогда собирайся. – Равдан не стал спорить. – Ждать больше нечего, а то дороги развезет.

В тот же день Соколина уехала домой в Смоленск – готовить дружину к походу. Благодаря своему воспитанию в доме старика Свенельда она разбиралась в дружинных делах куда лучше, чем в женских.

Дней через пять Равдан выступил из Свинческа вверх по Днепру; через десять поприщ к нему присоединилась Соколина, и обе дружины двинулись на восток. И лишь дней через семь-восемь после их отъезда Хакон настолько окреп, что смог встать с постели. Он еще кашлял и был бледен, и вид его внушал Ведоме тревогу, но он больше не хотел лежать в чужом доме, зная, что Смоленск стоит без дружины и хозяев, а родные дети покинуты без отца и матери, под присмотром одной челяди.

Перед тем как отпустить его, женщины несколько дней обсуждали: кого бы послать с ним в Смоленск? Без хозяйки, хоть какой-нибудь, там сейчас нельзя: и дом не присмотрен, и дети при одних няньках, да и сам воевода еще нуждается в зельях и заботе. Пока муж в отъезде – Равдан ожидался назад одновременно с Соколиной, – Ведомы не могла бросить собственный дом и всех домочадцев дружины.

– Может, ты поедешь? – не зная, что делать, Ведомы взглянула на сестру.

– С ума сошла? – удивилась Еглута. – С мужиком девку молодую посылать, а у него жена уехавши! Срама не оберемся, кто ее возьмет потом?

– Да он чуть дышит! – воскликнула Ведома.

– Он не такой! – одновременно с ней воскликнула Прияна. А потом, когда обе женщины повернулись к ней, добавила: – И я не такая!

– Правда, – согласилась Прибыслава. – Она уже не несмышлениш какой, а Акун – муж честный. Да ты ведь с ней челядь пошлешь, вот и присмотрят.

– За мной не надо присматривать! Я сама уже должна быть в доме хозяйкой!

– Если бы Святослав киевский поворачивался поживее, она уже была бы Хакону племянницей! – засмеялась Ведома. – Будет тебе, мать, воевода родного племянника не осрамит. Да и ему сейчас не девки, а зелья с медом на ночь нужны!

На ночь... Прияна закусила губу. Но подумала вовсе не о том, о чем, вероятно, думали старшие родственницы. Опасаться за свою честь ей в голову не приходило: хозяева Смолянска и Свинческа тесно общались и держались почти как одна, хоть и проживающая отдельно, семья. С детства обрученная с племянником Хакон, Прияна привыкла смотреть на воеводу как на родственника, почти дядю.

– Ладно, я сама поеду, – вздохнув, согласилась Еглута. – С моими старыми костями только и снова по чужим домам...

– И я поеду! – упрямо заявила Прияна. – Буду помогать.

* * *

Назавтра выдался ясный день, солнце так сияло над широкими снеговыми полями над Днепром, что было больно смотреть. Прияна, одетая в куний кожух, крытый голубой шерстью, с белым платком на голове, из-под которого свешивалась длинная коса, вышла к саням. В одних сидела закутанная Еглута и лежали коробка с их пожитками, в других устроился Пламень-Хакон.

Прияна вздохнула. Именно так, в солнечный день нынешней зимы, мечтала она отправиться в дальнюю дорогу – в Киев, к своему жениху. А вместо этого едет совсем в другую сторону, и всего за десять поприщ, с мужчиной, который вовсе не собирается брать ее в жены.

– Если тебя заставляет сестра, ты можешь не ехать. – Пламень-Хакон заметил ее расстроенный вид. – Я справлюсь и сам. Меня больше не надо кормить с ложки, для дома есть челядь, у детей есть няньки.

– Да мне не трудно. – Прияна вздохнула. – Только мне думалось, к своему мужу нынешней зимой поеду, не к чужому...

– Это верно, в мужья тебе я староват! – Хакон коротко засмеялся, стараясь не закашляться, и сжал ее руку в варежке. – Но если бы я мог сейчас увидеть моего братанича Святослава, то сказал бы ему, что он просто дурак...

– Молчи! – Прияна махнула на него варежкой. – А то холоду наглотаешься.

Вышедшая вслед за сестрой Ведома набросила на сидящих в санях медведину, укрывала их со всех сторон и махнула возчику: трогай! Прияна помахала ей и детям.

Сани легко скользили по накатанной дороге на льду Днепра. По пути Прияна немного развеселилась: в Свинческе ее томила тоска ежегодно повторявшегося разочарования, но хорошо было выбраться зимой из дома, подышать свежим воздухом, посмотреть на солнце. А то не успеет рассвети – уже тебе и сумерки, глухая тьма вокруг, где едва теплятся огоньки лучин. Утром не встать, пока не вытянет в оконце дым от топки, а наружу не выходишь – выбегаешь: до отхожего места и скорее назад. А в санях хорошо, под медвединой тепло. Сидя дома за пряжей, она бы извелась от обиды на киевлян, которые и сами за ней не едут, и за кого другого не пускают. Чужой дом, дети и хозяйство отвлекут ее от ходящих по кругу унылых дум...

Новый городец Смолянск начал строить еще Тородд, старший брат Хакон – на другой год после смерти Сверкера и соглашения о выплате дани Киеву. Это он выбрал высокий холм

над Днепром, где у подножия уже стояла весь – Смоляничи, и возвел на вершине просторный двор. Уже имелся ров и вал, ограждавший городец со стороны берега, в будущем предполагалось поставить на валу стену с боевым ходом. Но и сейчас с горы открывался широкий вид на окрестные холмы и увалы, на крыши веси, заснеженные сейчас пашни, подступавшие к самому валу, луга, дальний лес на возвышенной гряде, темная накатанная полоса дороги по льду Днепра, убегающая в обе стороны. Даже дух занимался: от Свинческа так далеко не глянешь, поэтому Прияне нравилось бывать в Смолянске.

Просторные избы – жилые, гостевые, дружинные, рассчитанные на своих и приезжих, выглядели новыми и добротными: их поставили лет пять-семь назад. В первые годы Тородд, а потом Хакон каждую зиму в месяц сечен посылали людей валить деревья; потом бревна волоком по снегу притаскивали на берег и укладывали сохнуть. По мере того как дерево подсыхало, возводились постройки; все привыкли слышать с этой стороны стук топоров и крики, а по берегу лежали груды разнообразной щепы и корья. Даже сейчас они кое-где рыжели из-под снега.

– Немного похоже на Киев, – кивнул Прияне Хакон, когда сани поднялись на холм. – Там тоже кругом склоны: то вверх, то вниз. И тоже далеко видно. А внизу крыши, Днепр, лодьи, на том берегу бор...

Прияна жадно слушала и невольно воображала: это – Киев. Примерно такое же все: горы, склоны, кровли, кроны деревьев между ними, широкие дали и другие вершины по соседству – она увидит, когда приедет к жениху... Вот по этой реке, которая ведет в самый Киев, будто прямая дорога, делаясь постепенно шире и шире.

– Там, когда смотришь с Олеговой или со Святой горы, кажется, будто стоишь на вершине мира. – Хакон кашлянул, прикрывая рот рукавицей. – На голове у волота. И чудится, будто ты сам не человек, а волот. Я думаю, поэтому наши предки выбрали именно это место и сели там. Точнее, Олег Вещий выбрал. Он сам был великаном, и ему там все пришлось под стать.

Прияна понимала его: с высоты Смолянской горы, глядя на заснеженные равнины, она и себя ощущала кем-то вроде богини, взирающей на землю с небес.

– Только в Киеве горы еще выше, и Днепр там шире, – добавил Хакон. – Раз в десять.

Ширь перед мысленным взором раздвинулась еще сильнее: Прияна так живо вообразила могучую реку и высокие горы под синим небом, что захватило дух. По коже побежали мурашки, на глазах выступили слезы... Она с усилием приказала себе успокоиться. Все это походило на хорошо знакомый ей прилив навьей силы, но ощущалось и нечто новое. Стало жутковато: а вдруг ее сейчас поднимет... и унесет?

И вот там, среди этих ширей и далей, родился и вырос ее почти незнакомый жених – Святослав Ингоревиич. Вырос, стоя на макушке волота, и сам как волот. Потомок и наследник Олега Вещего, что сделал Русь владыкой всех земель между Полуночным морем и Греческим.

Но, как ни далеко видно с Киевских гор, верховий Днепра и городца Свинческа оттуда не разглядеть. И едва ли Святослав стоит на своих горах, глядя на север и пытаясь вообразить ее, смолянскую невесту.

– Пойдем! – Еглута, уже подойдя к двери избы, вернулась и потянула за рукав стоявшую в задумчивости Прияну. – Что замерла, как березка, иди грейся.

Навстречу им уже бежали дети Хакона – все трое сыновей-погодков с радостными воплями облепили отца, повисли на нем, едва не уронили. Войке исполнилось пять лет, Свену – четыре, Туру – три. Все трое уродились рыжими – в отца, и вместе напоминали семейку грибов-красноголовок. Только очень бойких.

Отогревшись, Еглута принялась за дела: осмотрела скотину, припасы, велела кое-что прибрать и почистить, затеяла стирку. Тиун у Хакона был неплохой, но челядь без хозяев больше ждет распоряжений, чем работает. Хлеб весь вышел, а без хозяйки ставить его никто

не решался. Значит, завтра месить квашню. Ну а вечером, когда все дела закончились, Войко подошел к Прияне и сказал что всегда:

– А ласкази пло Кассея!

Так и пошло. Еглута ставила опару, присматривала за челядинками, а Прияна вставала до свету – приглядеть, как доят коров и собирают яйца, потом кормила и занимала детей. Трое мальчишек к тому времени уже перестали реветь и спрашивать «где мамка», привыкнув к ее отсутствию. Вечерами Прияна рассказывала им про поездку Соколины, легко воображая, где та находится и что делает: повести о точно таких же объездах она слушала всякий год. Присочинить о встречах с лешими не составляло труда, чада оставались довольны. И нередко Прияна вздыхала: так и чудилось, что это она занимается своим собственным хозяйством в доме своего собственного мужа... Святослава, который и думать о ней забыл...

Но почему? Глядя на себя, Прияна не видела причин для такого пренебрежения. Она и собой хороша, и хозяйка не хуже других. Может, у них там, в Киеве, девки такой красоты, что ей и не сравниться? Ведь говорят же, что у Святослава есть где-то там другая невеста...

Кто говорит? Хакон и говорит! Прияне очень хотелось расспросить его, но она не решалась: ведь тогда он поймет, что она целыми днями только и думает, чем же хуже той, другой!

Первые дни казались ей очень долгими: так всегда бывает в новом, непривычном месте. Но вскоре Прияна запомнила всю челядь: как кого зовут и кто за что отвечает; изучила нрав и ценность коров и лошадей, запомнила телят, и сколько есть каких припасов, и где лежат.

Уложив детей спать, остаток вечера Прияна с Еглутой проводили в просторной беседе, куда сходились бабы и девки из окрестных весей. Конечно, Прияне и здесь пришлось раз или два рассказать «про Кощея», но за последние восемь лет она привыкла, что все хотят об этом слушать, и относилась к этому рассказу как к своей первейшей обязанности. Помогите чурь, чтобы в Киеве, когда она наконец туда попадет, никто об этом не узнал и ей не пришлось повторять этот рассказ до самой смерти!

Но по большей части девки сами рассказывали ей свои родовые предания, пели, загадывали загадки. Ближе к полуночи Прияна позволяла позвать парней: те приносили рожки и даже гудец, на котором один умел играть, тогда начинались пляски, игры. Прияна в плясках не участвовала и смотрела на веселье со снисходительностью госпожи. Оно и отвлекало, и огорчало ее одновременно. Это веселье молодежи ведет к свадьбам: кого-то сосватают по уговору еще зимой, кого-то поздней весной уведут с Купалий. И только ее жених не придет, не поклонится под низкой притолокой, не стряхнет снег с шапки, не бросит черный кожаный хомут в кучу других, не взглянет на нее блестящими глазами, в которых светится вызов и надежда... Незачем смотреть на дверь, как все.

– А ты давно видел его? – однажды решила Прияна спросить у Хакона, когда Еглута с нянькой повели детей гулять. В Свинческе она не смела говорить с ним об этом, но здесь никто не мог их подслушать, и она верила, что он не станет смеяться над девкой, проглядевшей глаза в ожидании жениха. – Ну, Святослав? Каков он собой теперь? Какого нрава?

– Я видел его... года три назад, когда в последний раз ездил в Киев, – припомнил Хакон. Он уже был достаточно взрослым, чтобы понять, что за человек из него выйдет.

– Он удался в вашу породу?

– Он немного похож на нашего отца и на своего отца – тоже среднего роста и с широкими плечами. Но лицом скорее походит на мать, только у него курносый нос. Волосы светлые, как у матери. И брови светлые. Не знаю, насколько он хорош собой... Понимаешь, у него всегда столь решительный вид, что задуматься о его красоте как-то не приходит в голову. – Хакон усмехнулся. – Представляешь, о чем я говорю?

– Да! – Прияна засмеялась. Это описание понравилось ей куда больше, чем если бы Хакон стал заверять, что красотой кудрей и румянца ее жених превосходит самого Ярилу.

– И он упрям, как его отец, – продолжал Хакон. – Всегда знает, чего хочет. И как этого добиться. С ним будет легко только очень покладистой жене... Эльге, мне кажется, не всегда приходилось легко с Ингваром. Но она умна и понимала: покорный муж недорого стоит как князь. Именно благодаря своему упрямству Ингвар когда-то и получил ее в жены... Не думаю, что она когда-либо жалела об этом.

Прияна вздохнула. Если Святослав так же упрям, как его отец, почему он все никак не отправится добывать обещанную невесту, то есть ее?

* * *

И все же новый дом, где Прияна могла считать себя «почти настоящей» хозяйкой, воодушевлял ее, как перемены воодушевляли юность. Раз Прияне даже подумалось, что если бы ей в мужья достался сам Хакон, она сочла бы свою долю очень счастливой. Но эта мысль ее лишь позабавила. И тем более она удивилась, узнав, что подобное приходило в голову не только ей...

Дней через десять на Смолянской горе вдруг поднялась суета. Близился вечер, но еще не стемнело, и даже на супрядки еще не настала пора идти, зато с горы был хорошо виден Днепр, и люди издали заметили приближение обоза.

При первых криках: «Обоз! Обоз идет!» у Прияны ёкнуло сердце. А вдруг... А что, если все же... Она так много думала о Святославе, что казалось, он уже где-то близко, притянутый ее мыслями. И если бы однажды он вдруг вышел въяе из предвечерней мглы, она взволновалась бы, но не удивилась. Перехватило дыхание, стало жарко, в сердце вскипели восторг и недоверие.

И второе оказалось оправданным: обоз шел не с запада – как приходят с нижнего Днепра, а с востока – со стороны верховий.

При жизни последних поколений, особенно после Олега Вещего, оживилась торговля между полуденной и полуночной стороной. А ведь через земли смолян гораздо раньше, чем по Днепру, возник торговый путь по Волге, куда выходили через Угру и Оку. В той стороне лежали земли вятичей, а за ними – болгар и хазар. А через хазар можно попасть за Хазарское море, в те неведомые края, откуда привозят самую красивую цветную посуду с дивными зверями и птицами, яркие шелка, серебряные ногаты. Правда, отсюда в такую даль никто не ездил, обмен товарами происходил через хазар, в чьих руках меха становились дешевле, а шелка, серебро и красивые яркие бусины – дороже. Прияна не раз слышал, как Станибор, Равдан и Хакон сетовали на необходимость вести торговлю через посредство хазар, что делало ее куда менее выгодной, чем с греками, к которым через Киев ездили напрямую. Тоже благодаря Олегу Вещему и Ингорю киевскому, которые воевали с греками и заключали с ними договора, дававшие право прямой торговли и Киеву, и еще двум десяткам князей и бояр. Сверкер, отец Прияны, владел серебряной печатью, с которой его купцы ездили в Царьград. Станибор теперь, после нового Ингорева договора, посылал купцов к Святославу, который снабжал их особой грамотой на право входа в град Константина и Романа.

В восточную же сторону даже княжеские купцы ехали только до границ каганата. А там, в хазарских приграничных городках, приходилось продавать тамошним купцам свои меха, мед, воск и челядь, а взамен, тоже по их ценам, покупать заморские товары. И то удавалось все это не каждый год. Езда через обширную и лесистую страну вятичей тоже считалась непростым испытанием: известную часть дорогих товаров приходилось раздавать и князьям, и боярам, и старейшинам лишь за то, чтобы пропускали. Иначе можно сгинуть без следа... Прияна знала немало преданий о том, как иные князья вятичей вовсе отказывались пропускать купцов и смолянам приходилось ходить на них войной. Ради дружбы в каждом поколении бралась невеста из вятичей, но и это не всегда помогало.

И то, что нынешний обоз вернулся невредим, было не просто радостным событием, а поводом принести благодарственные жертвы богам и устроить пир.

Хакон вышел во двор: прежде чем отдавать распоряжения, следовало узнать самые крупные новости. Благополучно ли прошла поездка, нет ли где на пути войны, не умер ли кто из правителей? Рядом с ним стояли Прияна и все трое сыновей. Мальчишки уже знали, что им положено встречать гостей, хотя даже еще не знали – почему. Тут же бегали два здоровенных Хаконовых пса-волкодава – подарок Ингвара ладожского к свадьбе.

Отсюда было видно, как подползает к городу обоз: три-четыре десятка саней, около сотни дружины. Часть саней занимали люди: товары, которые сюда привозят, куда меньше количеством и занимают куда меньше места, чем увезенное. Вместо целой горы голов воска или бочонков меда привозят одну ногату или стеклянную бусину, которую даже Свеня или Турия легко зажмут в своей детской ладошке. А то, что громоздилось на десятке саней при отъезде, вернулось в кошеле за пазухой у Мякоты, старшего смолянского купца.

Но вот обоз остановился на льду под горой. Около десятка мужчин – старших купцов – собрались вместе, оправили пояса и шапки и тронулись вверх по тропе. Вглядываясь в лица издали, Хакон с удовольствием отметил, что все, кажется, живы, а значит, отбиваться от грабителей по пути не пришлось. Но это еще не значит, что ему привезли хорошие деньги...

Вот купцы подошли и выстроились в ряд. Хакон скользил взглядом по лицам, даже Прияна нашла глазами несколько знакомых – Несыта, Обещан и Первислав были людьми Станибора, и им предстояло отсюда ехать дальше на запад, в Свинчеськ. Она улыбнулась, видя их невредимыми, и не поняла, почему ответом ей послужили не столько радостные, сколько изумленные взгляды.

Хакон тоже не понял, почему на них таращатся во все глаза, даже позабыв поклониться. Он не сообразил, что купцы ничего не знают о здешних делах. И что они должны были подумать, видя рядом с ним и его детьми не Соколину, а совсем другую молодую женщину, к тому же хорошо им знакомую?

– Будь жив, княже... – Мякота первым поклонился, за ним остальные. – Да... где ж... что же...

– Воевода, ты наново женился? – с потрясенным видом воскликнул Несыта, с трудом оторвав взгляд от Прияны. – Ты взял за себя... Свирькину младшую...

– Никак у тебя хозяйка молодая? – почти перебил его Житислав.

– А где ж старая-то? – загудели купцы.

– Никак померла воеводша?

– Это теперь Свирьковна у нас в боярынях?

Прияна смотрела на них в изумлении: уж не сошли ли купцы с ума все разом? Как ее можно принять за мужнюю жену? И только потом догадалась: под двумя платками, в которые она замоталась ради морозного дня, купцы не разобрали, коса у нее на голове или повой.

– Какая новая боярыня! Вы что? – воскликнул Хакон. – Жива моя хозяйка, в отъезде она! Равдан мне свояченицу прислал по хозяйству помочь, а вы чего напридумывали?

– Ух, гора с плеч! – Мякота улыбнулся и еще раз поклонился. – Прости дураков! Да и нам-то невдомек: боярыни нет, а тут Свирьковна стоит подле тебя, и детки при вас...

Прияна засмеялась и потерла рукой в варежке запыхавшие щеки. И больше всего ее смущала вдруг пришедшая мысль: а если бы... Если бы, сохрани чур, Соколина и правда умерла, а Хакон посватался бы к ней, она пошла бы за него, не раздумывая ни мгновения. Ну и что, что ему за тридцать? Если повезет, еще лет двадцать он проживет, детей вырастит. А там уж как судьба: можно и с семнадцатилетним мужем вдовой остаться.

Купцы доложили, что в целом все благополучно, Хакон позвал их в гридницу. Прияна велела подавать на стол, что в погребах нашлось, но купцы ликовали уже потому, что наконец дома! В тепле и безопасности! Распорядясь, Прияна то и дело ловила на себе взгляды,

которые приезжие бросали на ее девичью косу и очелье, и подавляла улыбку. Как ни смешна была их ошибка, Прияна не могла выбросить ее из головы. И подавить нелепое сожаление, что ничего подобного нет. Как бы она важничала и гордилась собой, если и правда стала бы смолянкой боярыней-воеводшей! Род и судьба предназначили ее для еще большего, но это большее оставалось журавлем в небе. А Хакон... кроме возраста, она не видела в нем недостатков, а не зная обещанного Киева, и Смоленск считала вполне себя достойным.

Но хватит этого вздора! Здесь хозяйка – Соколина Свенельдовна. И даже думать о том, чтобы занять ее место – накликать беду. Тем более ей, столь коротко знакомой с самим Кошчем...

Вскоре стемнело, и Хакон не долго оставался на пиру: выслушав лишь самые первые рассказы о самом главном, сослался на нездоровье и удалился, оставив купцов догуливать. Он все еще кашлял.

На супрядки Прияна сегодня не успела, но не жалела об этом. Снова одолела обида на судьбу, что так долго лишает ее доли, на жениха, что все никак не едет, и она не хотела, чтобы глазастые девки разгадали ее печаль.

Вон, даже гости торговые и те считают, что ей давно пора замуж!

– А скажи... – начала она, пока Хакон пил свой отвар, как обычно перед сном. – А она... ну, ты говорил, что у него... у Святослава... есть еще другая невеста! – решила она наконец, поняв, что мямлить еще более стыдно, чем сказать прямо. – Ты что-то знаешь о ней? Какая она? Красивая? Ты видел ее когда-нибудь?

– Нет. – Хакон внимательно посмотрел на Прияну. – Никогда не видел. Я и отца-то ее, Олега Моровлянина, встречал всего несколько раз... Мы в Киеве одновременно прожили ту зиму, когда погиб Ингвар и разразилась Древлянская война. А потом он уехал в Деревлянь, я – сюда, и больше я не видел ни Олега, ни его семью.

– Жаль... ну а хоть что-нибудь ты о ней знаешь?

– Я знаю... – Хакон наморщил лоб, вспоминая. – Когда умерла Мальфрид, Олег жил у Земомысла ляшского. А у того была дочь. Овдовев, Олег почти сразу к ней посватался. Мы его не винили за это: он тогда попал в очень трудное положение, ему срочно требовались союзники. Он женился на Земомысловой дочери и с помощью тестя сумел вернуться во владения своих предков, в Велиград. Эта дочь, которую сосватали Святославу, кажется, их единственный ребенок. Я о других не слышал.

– А как ее зовут?

– Кажется, Горяна... или Горица, как-то так. В честь ее бабки по матери, жены Земомысла. Перед тем как началась Древлянская война, Олег оставил семью у Земомысла и приехал один. Поэтому я их не видел. Мне кажется, тогда эта девочка была совсем мала. Думаю, она моложе тебя. Поэтому Эльга не устраивает свадьбу: ждет, пока невеста подрастет.

Прияна опустила глаза, стараясь лицом не выдать охвативший ее гнев и стыд. Ничего особо нового Хакон сейчас ей не сказал, но отчего-то она стыдилась смотреть ему в лицо, когда он знает, как киевский жених пренебрегает ею ради какой-то... ляшской малявки. Небось поневу едва надела... И какое право Эльга киевская имеет так позорить ее, Прияну? Ее обручение состоялось раньше, чем этой Горяны... или Горицы. Она старше и первой обручена – значит, ей и первой идти замуж! И быть княгиней! А какую участь они там, в Киеве, готовят ей – прислуживать Горяне? Ей, правнучке смолянских князей и конунгов Северного Пути!

– Не грусти! – Хакон протянул руку и взял ее кисть, лежавшую на коленях и сжатую в кулак. – Я уверен, что ты куда красивее ее. И из тебя выйдет прекрасная киевская княгиня.

– Нужно, чтобы в это верил Святослав! – Прияна сердито взглянула на Хакона. – И это оскорбление – заставлять меня так долго ждать! И посадить меня ниже этой ляшки! Это унижение для всего моего рода! Не о таком мы договаривались! Когда нас обручали, киевляне обещали, что я стану княгиней Святослава, и никакой Горицы ждать речи не шло!

– Это правда, но что делать? Жизнь – как незнакомая река, не знаешь заранее, что ждет тебя за поворотом. Эльга не могла предвидеть, что Моровлянин вернется на Русь, а ей придется без мужа воевать с Деревлянью. Знаешь, я думаю, она тогда испугалась... ну, немного испугалась. Ведь Моровлянин – внук Вещего, его прямой потомок и мужчина, а она – женщина и всего лишь племянница. Ингвар погиб, она осталась одна с сыном-отроча, который еще не мог защитить ее, а ей самой приходилось за него стоять. И она пошла на этот уговор с Олегом, чтобы только не дожидаться худшего. Чтобы предотвратить опасность для себя и Святослава. Понимаешь, тогда ей приходилось бороться за себя и сына, она не могла думать о девочке, которая живет так далеко и тоже еще мала... К тому же она, возможно, держала в уме, что одна из вас до свадьбы может умереть. Ведь ждать предстояло еще чуть не десять лет, а ты знаешь, как часто умирают девушки-недоросточки.

– Но мы обе не умерли! – с издевательским огорчением подхватила Прияна. – Насчет нее, знаешь, я не слишком рада! Ах да! – помолчав, будто спохватилась она. – Я-то ведь умерла. Только еще до обручения.

– Ты слишком много об этом думаешь! – Хакон сжал ее руку. – Ты ведь живая. И всегда была живой. Мы об этом знаем. И Эльга знает. Она не из тех женщин, кого обманут слухи, и ей известно, что с того света не возвращаются. Но я попробую помочь тебе.

Прияна подняла глаза.

– Я уже пообещал твоим родичам. С весенним обозом я поеду в Киев и постараюсь убедить Эльгу либо справить вашу свадьбу со Святославом, либо освободить тебя от обручения. Она ни разу с тех пор тебя не видела и, возможно, не помнит, что ты давно уже взрослая девушка и тебе зазорно оставаться дома. Правда, я не думаю, что она так просто освободит вас от слова. Наверное, постарается подыскать тебе другого жениха из нашей родни.

– Другого? А у вас есть другой?

– Я уже думал. – Хакон недовольно скривился. – Но не знаю... Мы с Тороддом уже женаты и стары для тебя, а наши сыновья еще малы. Братья Эльги тоже женаты, а племянники – дети. Но, надо думать, в Киеве есть кто-нибудь...

Прияна снова опустила глаза. Этот «кто-нибудь в Киеве» мог быть только из числа воевод, а значит, ниже ее родом. Она получит такого же малопочетного жениха, как сестра Ведома, но только уж не по своему выбору...

Правда, на свете есть еще женихи достойного ее положения. И их немало. Они – из числа тех «светлых князей и великих бояр», что правят своими владениями, но признают над собой главенство Киева. Вот только это подразумевает, что никто из них не может взять знатную жену без одобрения киевского князя. То есть Святослава и матери его Эльги.

– Я постараюсь добиться, чтобы Эльга подыскала тебе жениха княжеского рода, пусть и не своего, – сказал вдруг Хакон, будто услышал ее мысли. – Мне будет жаль, если тебя увезут куда-то далеко и мы больше не увидимся, но... так нам всем будет лучше.

Он произнес это как-то странно... с каким-то новым и неожиданным выражением. Прияна подняла голову и встретила его взгляд. В полутьме при светильнике его светло-серые глаза казались почти черными, а выражение в них светилось такое, какого она еще у него не замечала. Хакон смотрел на нее так внимательно, пристально... как будто хотел коснуться ее души...

Прияне вдруг стало жарко. В сердце вскипел восторг и вместе с ним испуг. Но восторг все же раньше. Его влечет к ней, а она и не подозревала! Хакон, потомок древних конунгов Севера, один из самых видных мужчин, кого она в жизни встречала... Конечно, ему уже тридцать. Его стан к этому возрасту стал плотен, хотя еще не толст, но благодаря высокому росту это не делало его грузным. Правильные черты белого лица, высокий и широкий лоб, обрамленный волнистыми прядями длинных волос... Небольшая опрятно подстриженная борода – еще ярче волос, будто мягкое пламя... Прияна вдруг осознала, что и раньше смотрела на

него не без восхищения, а теперь ощутила, что это пламя перекинулось в ее грудь и опалило сердце. Нет, так нельзя! Это вовсе ни к чему!

Она отпрянула, глядя на него в испуге – не перед ним, а перед силой собственного чувства. Конечно, они почти родня, но... тем ужаснее и позорнее будет, если между ними сотворится... что не надо.

Хакон переменился в лице и тоже шагнул назад.

– Поверь, я никогда не посягну на невесту моего родного племянника, – торопливо сказал он, поняв, что она разгадала его чувство. – И ты можешь вернуться домой, как только захочешь. Скажи – и я прямо сразу прикажу закладывать тебе сани или пошлю в Свинчеськ за вашими отроками. Я ни в коем случае не намерен причинять тебе обиды или бесчестья, это было бы невысказано при нашей дружбе с твоей родней. Твоя сестра отпустила тебя сюда, потому что уверена во мне. И я бы устыдился, если бы ты во мне усомнилась.

Прияна покраснела и почувствовала себя маленькой глупой девочкой. Что она в самом деле себе навоображала? Кошного Властелина ей мало... Хакон – не глупый отрок, он почти годится ей в отцы, и у него есть жена – такая, с какой ни один муж не захочет ссориться.

– Прости. – Она бросила на Хакона беглый взгляд. – Но... ты сам виноват! Ты так на меня смотришь, как будто...

Она покраснела еще сильнее. Хакон слегка улыбнулся:

– В своих желаниях человек не волен. Особенно если он своей жены не видел уже довольно давно, а перед глазами у него все время такая красивая девушка.

Сердце снова забилося сильнее. Значит, ничего она не навоображала! И хотя напугалась зря, в главной причине не ошиблась.

– И пожалуй, тебе и правда лучше будет вернуться домой, – помолчав, продолжал Хакон. – Иначе это могут заметить люди, и пойдут неприятные разговоры. Вон купцы уже решили, что я успел за зиму овдоветь и взять тебя в новые жены. Если уже в пашню людских умов заронено зерно мысли, оно быстро даст буйные всходы. А я не хотел бы, чтобы твой свояк вызвал меня на поединок. Не сейчас! – Он откашлялся в кулак.

Прияна молчала, не поднимая глаз и стараясь понять, не лучше ли ей и впрямь уехать. Вдруг представилось, что все в округе – и купцы, и девки с бабами на супрядках – тайком болтают, как тут у воеводы с нею дело ладится... Потом вовсе никто замуж не возьмет! Домой надо ехать!

Она была смущена и в то же время польщена, что воспламенила чувства такого знатного и достойного человека. На миг представилось: не будь у него жены... ей не пришлось бы ждать, пока из-за тридевяти земель приедет его племянник!

– Но в любом случае из этого ничего бы не вышло, – вдруг сказал Пламень-Хакон.

Это оказалось так созвучно мыслям Прияны, что она испуганно вскинула глаза. Неужели она невольно размышляла вслух? Нет, она ощущала, что ее губы плотно сомкнуты, и тем не менее Хакон снова сказал о том же, о чем она думала.

– Я не смог бы взять тебя в жены, даже если бы до сих пор оставался холостым.

– Почему? – пробормотала она, готовая обидеться.

– Нам никто этого бы не позволил. Я – королевского рода, и ты тоже. Если бы ты стала моей женой, мы с тобой получили бы полное право бороться за власть с князем Станибором. А одолев его, стали бы равны моему киевскому племяннику. По счету поколений я ведь старше, а именно по этому счету Эльга утвердила свое право перед Олегом! И теперь я мог бы утвердить свое право перед ее сыном. И тогда... Еще неизвестно, кто из нас писал бы грамоты к грекам о числе торговых кораблей.

Прияна безотчетно вскинула голову. Ее поразили его слова – те блестящие возможности, о которых он говорил. И в то же время... а почему нет? Ее бросило в жар. Она происходит от нескольких владетельных родов, и родичи ее с обеих сторон правили днепровскими кри-

вичами. Хакон тоже ведет свой род от королей, чьи потомки уже несколько поколений носят на Волхове звание конунгов. Объединившись, они составят не менее сильную пару, чем были Эльга киевская и ее покойный муж Ингвар – родной брат Хакона.

Пламень-Хакон смотрел на нее и видел на ее лице отражение этих мыслей. И невольно залюбовался: девушка не только красива и умна, но еще честолюбива и отважна. Она поняла его – и эти замыслы не испугали, а воодушевили ее. К восхищению примешивалось сожаление...

– Но у нас с тобой в родне – исключительно умные люди, – продолжал он. – Они все это просчитали заранее и приняли меры. Твою сестру вынудили выйти замуж за человека доблестного, но не слишком знатного, и тем убрали и его, и их потомков из числа притязующих на власть в каких-либо краях.

– Ее не вынудили. Она сама этого хотела... и убежала с Равданом из дома еще до гибели нашего отца.

– Ей просто повезло, что влечение сердца привело туда же, куда указывала судьба. Будь уверена: если бы она не знала Равдана, ей дали бы в мужья кого-то вроде него. Не знатнее. Святослав, тогда почти ребенок, еще не годился в женихи такой взрослой девушке, и с ним обручили тебя, чтобы отдать Святославу права и на землю смолян тоже. А мне наша мать с молодых лет запретила брать знатную жену, чтобы не множить число соперников для детей Ингвара. Она не хотела, чтобы наши дети передрались за наследство и стали рвать Путь Серебра на части. Чтобы род был могуч и прославлен, он должен быть един. И с тех пор ничего не изменилось. Мне не позволят иметь высокородных детей, а тебе не позволят их иметь помимо Святослава.

Прияна опустила глаза. Щемило в груди от волнения и обиды. Эти люди давно уже задумали отнять у нее то, что принадлежит ей по праву рождения! Кто они – «эти люди», – она представляла не очень ясно, но знала, что их много и они весьма могущественны. А во главе их стоит Эльга киевская, как ранее стояла Свандра волховецкая, мать Хакона.

– И все же я думаю, из тебя выйдет отличная княгиня Руси. – Хакон улыбнулся, желая ее подбодрить. – Сам я никогда не стремился к большой власти и искал лишь такого положения, что не уронило бы чести моих предков. А теперь, мне сдается, что я проживу не слишком долго, поэтому все это меня уже не сильно волнует. Но я очень хочу, чтобы ты получила все, на что имеешь право. А это весьма немало. И я сделаю все, что в моих силах, дабы вас со Святославом наконец поженили. Если к весне мне позволит здоровье, я сам поеду в Киев и не вернусь оттуда без твоего жениха.

Прияна встала, стараясь взять себя в руки и не выдать своих чувств.

– Я... пойду в девичью избу ночевать, – пробормотала она, не сообразив даже поблагодарить Хакона на заботу.

– Ты все-таки не доверяешь мне? – Хакон усмехнулся – скорее польщенно, чем обиженно, – и протянул к Прияне руку, будто предлагая ее коснуться в знак примирения.

– Я... нет... – Прияна не находила слов и даже спрятала руки за спину. – Если бы... Я хочу быть русской княгиней, но только если твой племянник хоть сколько-нибудь похож на тебя!

Она повернулась и выскочила вон, подхватив на бегу свой кожух.

Хакон долго сидел неподвижно, глядя на закрывшуюся за ней дверь. Он знал, что племянник Святослав совершенно на него не похож. Ни по внешности, ни по духу. Сумеет ли сын Ингвара поладить с этой девушкой? Сам Ингвар когда-то поладил с не менее знатной и многообещающей невестой, и это принесло великую честь и пользу не только ему, но и всей Руси. Святослав мог повторить судьбу отца, и тогда слава русов в следующем поколении поднимется еще выше, воссияет еще ярче. Но если нет...

Чем более славен твой род в прошлом, тем больше исполинов подпирает тебя плечами. Но тем выше падать тому, кто не справился, и тем больше позора ждет того, кто загубит труды прежних поколений. Хакон сын Ульва с юности был слишком умен, чтобы этого не понимать. И сейчас в сердце его мешались обида на судьбу, что обрекла его подлаживаться под чужую волю, и облегчение, что от него в деле славных предков зависит так немного...

Глава 3

Возвращение купцов с восточных рек издавна производило в Свинческе не меньше шума и волнения, чем приход киевского обоза. По этому случаю здесь собирался торг, где местные жители могли начать выменивать меха нынешней зимней добычи на привозные ткани, посуду, оружие, серебро. Частью купцы ехали дальше, главным образом на север, к Ладоге, но в Свинческе делали длительную остановку на отдых. Сперва князь устраивал пир, чтобы смоляне и приезжие могли обменяться новостями, и на много дней поселение оживало, наполнялось шумом, скрипом санных полозьев, конским ржаньем, людским говором.

Перед пиром князь Станибор устроил охоту. Послал, как полагалось, приглашение и воеводе Акуну в Смоленск, но тот поблагодарил и отказался, сославшись на слабое здоровье. Зато многие старейшины и купцы откликнулись охотно: лов был излюбленным, если не вовсе единственным, зимним развлечением.

Купцы, на другой день приехав из Смоленска в Свинчеськ, со смехом рассказывали о своей ошибке: как посчитали Прияну новой женой воеводы. Княгиня Прибыслава заволновалась: заподозрив, что нет дыма без огня, она испугалась раздора между мужчинами своего рода и приказала Ведоме вернуть Прияну домой, пока не поздно.

– Видать, воевода от хвори оправился, коли на девок стал коситься! Пусть-ка сам хозяйничает. За детьми некому ходить – пусть к нам присылает, мы приглядим. А сам он не дитя!

Ведома не спорила. В Свинческе сейчас толкалось довольно чужих людей, и она не хотела, чтобы земли полнились слухом, будто воевода Хакон, деверь Эльги киевской, пытается отнять невесту у своего племянника... Мужчины между собой разберутся, а вот о девке пойдет дурная слава. Не отмоешься потом.

Станиборовы ловцы выследили лосиное стадо – голов из восьми. Угощение ожидалась богатое, и жители свинчеського предградья охотно шли в загонщики. Толпы мужиков с дубинами и бубнами выступили раньше, позже выехали нарочитые мужи – князь со старшими купцами, отец и братья воеводы Равдана, другие старейшины Свинчеська и ближней округи.

Вызванная домой гонцом от Ведомы, Прияна застала во дворе суету, красные пятна на снегу и кровавые ошметки. Собаки таскали куски требухи – князь с дружиной привез пять добытых лосей. Всю челядь поставили разделять добычу, так что для двух путешественниц тут же нашлось занятие. Почки, губы и печенку обжарили с луком и подали князю с приближенными тем же вечером, остальное положили на ночь вымачивать в уксусе с ягодами можжевельника и травами.

Прияна радовалась, что для нее, а главное, для всех домочадцев нашлось и чем заняться, и о чем поговорить. То и дело на нее поглядывали, усмехались, и она скорее в досаде, чем в смущении отводила глаза. Стыдиться ей было нечего, но мысли о Хаконе теперь вызывали в ней трепет, и она всеми силами старалась это скрыть. Всю жизнь зная, что знатный жених придет за ней из Киева, она даже не глядела на смолянских отроков, и лишь в тот вечер ее сердце впервые забилося часто и мучительно. Теперь ей не хотелось думать о Святославе, даже пытаясь воображать его похожим на дядю. Прежнее ожидание сменилось откровенной досадой. Уж слишком много этот Святослав о себе думает, если заставляет ее, внучку князей и конунгов, так долго ждать его! Не стыдится ли он показаться ей на глаза – уж наверное, ему далеко до Хакона!

Дома вдруг сделалось скучно, потому что Хакона здесь нет. Если бы Станибор догадался пригласить его на завтрашний пир, как бы все осветилось вокруг, сам воздух наполнился бы смыслом! Ее тянуло назад, в Смоленск, где все вдруг показалось куда лучше, чем дома. Прияна и досадовала на страхи сестры и княгини, вызвавших ее назад, и все же в самом дальнем углу души благодарила их. Проведи они с Хаконем еще пару дней в его доме, почти наедине... и ей

уже нельзя было бы вернуться, и все стало бы куда сложнее. Пока же все эти мысли – о браке с Законом и его возможных последствиях – можно считать лишь ее, Прияны, мысленными игрушками. И попытаться жить и дальше так, будто ни о чем подобном она никогда не думала.

Пир ожидался завтра, когда будет готова главная часть добычи. Этим вечером Прияна застала в гриднице лишь пятерых гостей: пока она хозяйничала в Смоленске, приехали посланцы от князя двинских кривичей Всесвята. Полочане бывали здесь раз в два-три года. Свои товары – меха, мед, воск, иные плоды лесных промыслов – они продавали в Витьбеске людям Святослава, а дальше их не пропускали, ибо не было на то dokonчаний. Вырученные деньги везли в Свинчеськ и здесь, бывало, покупали кое-что из иноземных товаров: дорогие ткани, оружие, украшения. Уже не раз заходил разговор о том, чтобы позволить полоцким купцам самим поехать к хазарским пределам или хотя бы отдать товары доверенному человеку из смолян для продажи там – что в итоге принесло бы хозяевам товара куда больше денег, чем если сделка совершалась еще на Днепре. Но Святославов воевода из Витьбеска неизменно отвечал: эти милости доступны лишь тем князьям, что под рукой Киева. Не желая идти под чужую власть и платить дань, полочане довольствовались дедовым укладом.

В этот раз полоцкую дружину возглавляли Городислав, последний из трех сыновей князя Всесвята, и Богуслав – его родич по матери. Этих людей смоляне хорошо знали. Шесть лет назад, в последнюю зиму, еще при жизни Сверкера, полоцкий князь пытался помочь ему отбиться от Ингоровой руси из Киева. С дружиной явились все три Всесвятовых сына, дабы побороться с другими за право посвататься к Ведоме. Но богам не поглянулось их сватовство. Средний княжич, Владивой, погиб в сражении с русью Ингвара киевского, два его брата попали в плен. Старшего, Держияра, Ингвар увез с собой в заложники, чем вынудил Всесвята поклясться в дружбе. Но возвратили к отцу в Полоцк только младшего, Городислава, которому тогда сравнялось всего пятнадцать лет. Держияр еще три года прожил в Киев и там умер однажды зимой.

Узнав Городислава, Прияна хотела поздороваться, но слова замерли у нее на устах: гость смотрел на нее, как на восставшую из мертвых. Единственный ныне наследник отца, довольно рослый и крепкий парень, он имел простые правильные черты лица и очень светлые волосы, которые по сравнению с кожей, загоравшей за лето, казались золотисто-белыми. Серые глаза смотрели сурово и прохладно, словно две весенние льдинки, но сердце у него, при внешней сдержанности, было пылкое. Прияна улыбнулась, стараясь, чтобы он не разглядел насмешку за ее приветливостью: неужели только что услышал «про Кошея»?

Городислав первым встал и вежливо поклонился дочери прежнего смолянского князя и дальней родственнице нынешнего. То же сделали и другие полочане. Прияна с привычной величавостью ответила сперва Городиславу, потом сразу всем его спутникам и пошла вдоль стола с кувшином, наливая гостям пива. Рослая, стройная, в зеленом варяжском платье, отделанном по швам красным шнуром, с блестящими золочеными застешками на груди, она казалась лучшим украшением княжеской гридницы. Неудивительно, что разговор мужчин прервался и все провожали ее глазами.

Сама же Прияна смотрела на гостей без восхищения и думала в это время о своем. По сравнению со смолянами полочане, жившие вдали от торговых путей, были бедны, и даже князь носил домотканую одежду. Разве что сорочки их шились из выбеленного тонкого полотна, а свиты – из чисто вычесанной и окрашенной разными зелями шерсти. Даже бояре Озеричи, родичи Равдана, жившие при волоке, на княжьи пиры являлись в рубахах, шапках и свитах, отделанных полосками греческого и хвалынского шелка, а Краян, их старейшина, мог похвалиться целым кафтаном, крытым шелком, с серебряной тесьмой. Будущий полоцкий князь по сравнению с ними выглядел бортником с дальних выселок; случись тут много народу, Прияна и не заметила бы его.

Обойдя стол, наконец она села возле Ведомы.

– Припоздала ты, а тебя иные так уж ждали! – насмешливо шепнула ей сестра и мигнула на полочан. – Глаза проглядели!

Проследив за ее взглядом, Прияна тут же встретила со взором Городислава и отвернулась.

– Чего ждали-то: им пива налить было некому?

– Княгиня чашу поднесла: все же Всесвятич равного рода. А он, видать, на тебя надеялся. Они уж спрашивали: где княжна ваша, правда ли, что выдали ее за...

– Эти-то откуда знают? – с досадой перебила Прияна.

– Чего им не знать: к купцам же первой дорогой ходили. Те и разболтали.

Прияна вздохнула.

Прежний разговор тем временем возобновился.

– И что – сильная рать? – вновь обратился Станибор к Богуславу.

Услышав слово «рать», Прияна с беспокойством взглянула на него, но лицо князя выражало скорее любопытство, чем тревогу: к смолянам эта рать не имела отношения.

– В точности не ведаем, но к нашим рубежам летигола уж года три не ходит, – отвечал ему Богуслав. – Наши порубежные веси не тревожат, стало быть, в других местах летиголе мечи нужны.

Буй княжича Городислава был уже немолодой, лет сорока, очень рослый и крепкий мужчина; его полуседые, немного выющиеся волосы стояли облаком вокруг головы, в бороде просвечивало немного рыжины. Выглядевший важно и внушительно, нрав он имел дружелюбный, разговорчивый, а в его желтоватых глазах сияло веселое лукавство.

– Может, со своими ратятся?

– Может, и так, но еще прошлой зимой приезжал оттуда один, спрашивал железа на продажу, так вроде мы поняли, что варяги из заморья их тревожат. В самых низовьях Двины вроде даже обосновались жить. И ради той беды голядь между собой примирилась. Будто в устье Двины есть остров Холм, и на нем будто князь варяжский с прошлого лета живет и с прилежащих земель ливских и зимиголядских дань берет. Боятся, что нынешним летом дальше пойдет.

– Мы что-то слышали об этом от гостей варяжских. – Станибор посмотрел на Ведому.

Варяжские гости обычно стремились навестить воеводшу, прославленную благодаря родству с Харальдом Прекрасноволосым, знаменитым в Северных Странах, и поэтому она лучше всех знала новости с того берега Полуночного моря.

– Да, я слышала, за устьем Двины в море есть остров Холм, и на нем будто swei обосновались, – кивнула она. – Давно, с Харальдовых времен – то сядут и торгуют, то выгонят их корсь и зимигола. Слышно, даже дань на них swei временами берет.

– У нас даже иные поговаривают, – Богуслав лукаво покосился на племянника, – не пора ли и нам собраться да со своей стороны на летиголу ударить. Посчитаться наконец за все наши обиды.

На лицах княжеских отроков, сидевших на нижнем конце стола, отразилось живое любопытство. Иные перестали есть и воззрились на Станибора. За шесть лет правления он еще ни разу не водил дружину в такой поход, откуда можно привезти славу и добычу.

– Может, и у вас тут нашлись бы отроки неробкие, – отчасти подтвердил их надежды Городислав, но посмотрел почему-то на Прияну, – чтобы с нами на летиголу пойти. И себе бы чести добыли, и нам бы помогли.

Отроки посмотрели на своего князя с надеждой. Иные из них, давно уже «отроки» только по званию, а на деле – усатые мужи, его ровесники, когда-то вместе с ними жили в лесу, в числе братства вилькаев. С тех пор как их вожак стал смолянским князем, они переселились из чащобных избышек в гридницу, а иные, старшие, даже в собственные избы на предградье. Со своими родами, жившими вокруг Свинческа, они не теряли связи, но возвращаться к обычным промыслам земледельцев не собирались. Теперь они звались не стайей, а дружиной, и образец

им задавали витязи из преданий, что ходили грабить Греческую землю и привозили оттуда сосуды золотые и девок красных.

Но от верховьев Днепра до Греческой земли было уж больно далеко, а на пути раскинулась Русская земля: русь не только давно уже сама ходила грабить греков, но и заключала с ними мирные договоры о торговле. На севере лежали владения тех же русов, родичей Эльги и Святослава, на востоке – вятичей, с которыми Станибор не хотел ссориться, пока они позволяют ездить торговым гостям. А за западе особенно нечего взять: небогатые земли двинских кривичей-полочан, а потом летигола да зимигола, родичи днепровской голяди. Через их владения текла большая река Двина, впадавшая в Полуночное море, но западная голядь торговых гостей на свои земли не пускала. Поэтому и полочанам приходилось задешево уступать товары русам в Витьбеске. Нетрудно понять, отчего они с такой надеждой смотрят на заморских варягов, способных хоть с той стороны пробить эту стену.

– Может, помогли, а может, и навредили бы, – подала голос Еглута. – Не боитесь ли вы?

– Чего мы должны бояться? – Городислав слегка нахмурился. – Если собрать дружины хорошие да как следует дело обдумать, то была бы Перуна милость, а уж мы не из робких.

Он говорил спокойно, без похвальбы и удали, но Прияна чувствовала в нем неуверенность. Не страх перед военным походом, а сомнение, сочтут ли его способным на такое дело. Ведь пятнадцатилетним отроком он начал свой ратный путь с поражения и плена, и все здесь это знали.

– Я не о том говорю, чтобы сеять, а о том, что взойдет! – усмехнулась Еглута. – Допустим, Перконс благословит мечи ваши, и вы разобьете латгалов, земгалов... и столкнетесь лоб в лоб с русью заморской! Тогда что будет – подумали вы? Сейчас голядь двинская ваши земли от варягов прикрывает. Эту стену варяги со своей стороны рушат, а вы хотите еще и со своей начать ее ломать! Сами варягам дорогу к своим очагам откроете. Может, не у Перконса вам милости просить, а у другого какого бога? Какой ума прибавляет?

Кое-кто из старших усмехнулся. Городислав почти не переменялся в лице, лишь чуть крепче сжал челюсти. В тот раз его с братьями одолел и пленил Ингорь киевский – рода русского, то есть тех же варягов.

– Ну так и мы не одни люди на свете! – пришел на помощь сестричу находчивый Богуслав. – Мы – кривичи, вы – кривичи, да и в Плескове тоже нашего коня люди живут.

– Плесковские не будут помогать, – покачала головой княгиня. – Они с Эльгой в близком родстве, там теперь в князьях сидит ее брат Белояр. Они сами с купцов мыто собирают, кто через них на Полуночное море ездит. Зачем они будут вам помогать свою дорогу прокладывать?

– Ну а вы что сказали бы? – Богуслав настойчиво, хоть и с улыбкой, смотрел на Станибора.

– Мы... – князь ущипнул себя за ус, – у нас...

– Или и у вас свой путь на Полуночное море есть? – усмехнулся Богуслав.

Станибор не мог ответить «есть»: он жил на самом Днепре, но путь по Днепру ему не принадлежал. И чтобы им воспользоваться, ему требовалось соизволение киевских князей.

– У нас своя русь есть, – сказал он наконец. – С чужой воевать несподручно.

– Та двинская русь вашей киевской не родня, – покачал головой Богуслав. – Были б они заодно, уже здесь стояли бы из Киева дружины.

Станибор не отвечал. Этот разговор его встревожил. А если та неведомая русь пройдет зимиголу и летиголу и выйдет в земли кривичей? Полочане – не такая уж сила, сами не выстоят. И что тогда? Ему придется вести войско на волоки, выводящие с Двины на Днепр, чтобы защищать свою собственную землю. Да, как данник и союзник Киева, он мог просить защиты у Эльги и Святослава, но...

Он посмотрел на Прияну и теперь с совершенно новым волнением задал себе вопрос: где Святослав? Почему так и не приехал за своей невестой, чтобы заключить обещанный союз?

* * *

Во всех своих сомнениях Станибор, конечно, не признавался. Но о русах, воюющих двинскую голядь, заговорил и назавтра, когда на пир по поводу возвращения восточного обоза собрались смолянские бояре и все торговые гости, что в эту пору находились в Свинческе.

В этот раз Прияна уже ждала гостей в гриднице, стоя возле Прибыславы и своей сестры. Рядом отроки держали несколько окованных серебром рогов и чаш, стояли три ведра пива с ковшиками-уточками, чтобы своевременно наливать и подносить. При входе женщины приветствовали и угощали самых уважаемых гостей, после отроки разводили тех по местам. Станибор, в шелковом кафтане, где по рыжему полю мчались всадники на золотистых конях и с зелеными псами, и собольей шапке с шелковым верхом, приветливо кивал со своего резного сиденья.

Когда вошли полочане, Прияна слегка расширила глаза от удивления. Они разоделись не по-вчерашнему: вместо свит простой домашней шерсти, выкрашенных в бурый и зеленоватый цвет при помощи дубовой коры и толокнянки, на них красовались кафтаны с шелковой отделкой и узорной тесьмой на груди. На Городиславе – ярко-синий с желтовато-золотистым шелком, на Богуславе – синева-зеленый, очень темного оттенка, с отделкой из рудо-желтого шелка с черными узорами и тонкой тесьмой тех же цветов. Княгиня, поймав удивленные взгляды обеих сестер, усмехнулась: богатства взялись из ее укладок. Муж велел ей послать полочанам в дар цветное платье, и теперь они были не только горды тем, как хорошо одеты, но и явно обнадешены насчет дальнейшего. Богуслав, весело и лукаво блестя глазами, поклонился князю и княгине ниже обычного. Прибыслава вручила ему чашу, кивнув Прияне на княжича.

Прияна взяла у отрока наполненный пивом рог и подошла к Городиславу. Хотела пошутить насчет его нарядности, но смолчала, смущенная его слишком уж пристальным взглядом. Он так смотрел, будто ждал от нее каких-то очень важных для него слов. Но что она могла ему сказать?

Князь возложил на очаг угощения для Велеса, сохранившего купцов в долгом опасном пути, братину пустили по кругу, потом принялись за лосятину. Вымоченную ночь в уксусе с травами, ее приготовили в разных видах: и в похлебке с луком и пшеном, и тушеную с репой и морковью, и обжаренную – для тех, у кого зубы помоложе и покрепче. Подавали рыбу, кашу, жареную птицу, моченую бруснику, соленые грибы. Поговорили о вятичах и хазарах, что сидели в низовьях Дона в своих каменных крепостях и принимали там торговых гостей. Но дальше – и не думай. В те заморские края, где куняя шкурка стоит не одну бусину, а три, или за девку-полонянку порой дают столько серебра, сколько она сама весит, славянам ходу не было.

– Да неужто мы бы не съездили? – в который уже раз возмущался Миродар, поддержанный кивками и гулом сотоварищей. – Мы народ не робкий, а за море сходили бы! Против того, что нынче привезли – добыли бы втрое! А выкуси – земли хазарские, пути хазарские, и прибыток весь им.

– Ну что делать, землю-то не переделаешь! – качали головой старики. – Уж коли пути за море через хазар Велес проложил...

– На то Перун есть, чтобы свои пути через чужие земли прокладывать! – крикнул Селята, бывший вилькай, а теперь один из старших гридней в княжьей дружине.

– Вот тут про одних таких речь ведут. – Станибор кивнул Богуславу. – Не слышал ли кто-нибудь про русинов, свеев или кто они там, что на устье Двины сидят и двинскую голядь воюют? Остров Холм, или как ты сказал, Богуша?

– Я слышал про этих людей! – подал голос Кольбен. Он происходил из свеев, но давно жил в Ладогe и был человеком тамошнего воеводы Ингоря-младшего. – Только еще прошлым летом, когда ездил в Бьёрко. Это Эйрик конунг, сын старого Бьёрна. После отца они остались наследниками вдвоем с Олавом, старшим братом. Олав забрал в руки все дела, а Эйрику осталось искать себе славы на море. Я слышал, иные льстецы на пирах уже награждают его прозвищем Победоносный! – Купец раскинул руки, в одной держа кубок, и напыжился, двигая плечами и передразнивая горделивых вождей.

– И чего же он хочет? – спросил Гордислав, который один не засмеялся.

В Полоцке торговые гости с Полуночного моря не бывали никогда, поэтому впервые за несколько лет полочане слышали хоть и короткий, но ясный рассказ вместо смутных слухов, по капле сочившихся из земель двинской голяди.

– Надо думать, хочет он завоевать земли по Двине и брать дань с тамошних жителей. И если звон оружия докатился уже до Полоцка – значит, Один своим глазом посматривает на Эйрика благосклонно.

За столами снова засмеялись.

– Да вы что смеетесь! – Княгиня Прибыслава вдруг заволновалась и положила назад на блюдо кусок курицы. – Если до Полоцка... там и до нас уже дорога... не прямая, зато наезженная. А пока до Киева или Ингвара ладожского весть дойдет, пока они там снаряжаются, пока дойдут – от нас и угля не останется!

– Мудрая женщина ты, княгиня! – одобрительно воскликнул Богуслав и встал. В цветном кафтане с узорной шелковой отделкой, со стоящими вокруг головы пышными полуседыми кудрями он легко притягивал все взоры. – Сразу видишь, в чем беда! Но где беда, там и спасение. Вот ты говоришь: дорога не пряма, да наезжена. Мы, двинские кривичи, да вы, днепровские – одного пращура внуки, одного корня ростки, одного ствола ветки. И язык, и обычай, и боги у нас одни. Князь Всесвят желает братский союз с вами утвердить, чтобы мы, как пращуры наши, были всегда заедино. И коли так случится, что та русь из заморья до наших земель дойдет – вы нам поможете отбиться, а мы вас от беды своей грудью прикроем.

Люди негромко загудели. Все давно привыкли к мысли, что со всех сторон землю смолян ограждают владения Олеговых наследников-русов. Опасность, на которую им внезапно открыли глаза, показалась нова, а потому особенно грозна.

– Известное дело: коли враг идет, лучше его на чужой земле встречать, чем на свою допустить, – сказал боярин Краян, и Богуслав живо поклонился ему, всем видом выражая почтение к столь умному человеку.

– А чем врага встречать, есть у вас? – Станибор задумчиво посмотрел на полоцкого боярина. Какой-то определенный ответ найти так быстро он не мог. – Ты же вроде говорил, у вас и укреплений толком нет, один вал, и тот старый.

– Вал наш последний раз еще старый Всесвят подновлял, дед нашего Всесвята. Князь уже решил: нынешним летом людей собирать, вал поднимать, частокол укреплять. Да ведь валы без воев не спасают.

– А сколько людей можете выставить? – спросил Краян.

– Что у вас с оружием? – подхватил его сват Подмога.

Ничего утешительного по этой части Богуслав поведать не мог. Полоцкая земля была невелика, обходилась своим железом и своими кузнецами. Она отбивалась от единичных наскоков воинственных голядских вождей – в основном молодежи, кому хотелось делом подкрепить свое право на «браслет воина», – но набег многочисленной, хорошо вооруженной варяжской дружины отразить едва ли смогла бы.

Чем дольше говорилось об этом, тем заметнее мрачнел Станибор, резче обозначались скулы на его худощавом продолговатом лице. В глазах мерцал холодный волчий огонь. Перед

ним отворялись две двери: одна вела к славе, другая – к гибели. Будто два источника, живой и мертвой воды – да смотри, не ошибись!

Если он ничего не будет делать, весьма вероятно, все сложится так, как говорит Богуслав: тот Эйрик из заморья пройдет голядь, возьмет Полоцкую землю, захватит волоки между Смоленской землей и Ловатью, то есть лишит смолян возможности получить помощь из Ладоги и Волховца. Тогда уж киевские князья пришлют войско, но два-три месяца до их подхода смолянам придется рассчитывать лишь на себя. Ради собственной безопасности имеет смысл подержать полочан, остановить врага еще в чужом краю.

А вот тогда... Если удастся совместными усилиями отбросить находников, объединиться с полочанами, то можно будет забрать в руки и волоки, и Ловать... Вырваться из-под власти руси Киева и Волховца и заключать союз с ними уже на других условиях. Ведь тогда они будут нуждаться в нем, Станиборе, а он не будет нуждаться в них, ибо у него появится свой собственный выход на Полуночное море.

В мыслях его уже рисовалась могущественная держава, простирающаяся с запада на восток: от Полуночного моря, через голядские земли, полочан, смолян, угрян, вятичей... До самых болгар или хазар, быть может! Наскоком такого дела не решишь, русь свою державу строила поколениями, но и у него ведь уже есть сын! Казалось, сами боги вдруг подставили ему волшебное блюдечко, где отражается грядущая слава. Только руку протяни...

* * *

Хотя Станибор на пиру никакого ответа не дал, Богуслав не оставил своих попыток и даже решился сделать еще один важный шаг вперед. Эту новость Прияна и Ведома узнали от Прибыславы. Князь и хотел сохранить переговоры в тайне, но не мог не поделиться с женой, а уж та, не расскажи она тем, кого дело касается, просто бы лопнула.

Княгиня заявила в Равданову избу до зари, когда челядинки ушли доить коров, но дети еще спали. Села на скамью и молча смотрела, как Ведома и Прияна плетут друг другу косы. Ее раннему появлению никто не удивился: она любила поболтать, а в Свинческе сестры Свирыковны составляли почти всю ее семью. Еглоту, свою свекровь, она почитала, но старалась держаться подальше от голядки, бывшей лесной ведьмы-волхвиты. Прибыслава уродилась в своего красавца отца, киевского боярина Острогляда. Особенно напоминали о нем голубые глаза, имевшие ленивое, немного шальное выражение, и красивые черные брови. В пятнадцать лет она, сопровождая Эльгу в полюдье, совершила довольно безрассудный поступок, согласившись стать женой вожака лесных вилькаев. И заслужила тем благодарность княгини: отвага Прибыславы избавляла от риска ее родных племянниц. И хотя с тех пор все в ее жизни шло мирно, она до сих пор гордилась своей тогдашней смелостью.

– А что, Янька, хочешь полоцкой княгиней быть? – спросила она вдруг.

– Что? – Прияна обернулась.

Ведома у нее за спиной замерла с гребнем в руке.

Прияна взялась за свои волосы на уровне шеи, чтобы Ведома перестала чесать. Но и та смотрела на Прибыславу, не веря ушам.

– Почему она должна быть полоцкой княгиней?

– Потому что полочане за нее сватаются. Говорят, раз киевский жених не едет, стало быть, забыл ее. Дескать, ходят слухи, будто порченная она...

– Что? – Возмущенная Ведома бросила гребень. – Порченная? Это кто говорит?

С решительным видом, будто готовая кинуться на обидчика с кулаками, она шагнула вперед. Все эти годы Ведома считала себя отчасти виноватой в том, что ее сестру на какое-то время объявили мертвой. А лишившись в один час обоих родителей, она приняла как свой долг воспитание, защиту и удачное замужество сестры.

– Да хитрый этот Богуша-боярин, что твой налим! Мы, дескать, не верим, в мыслях не держим, а люди говорят. А если люди такое говорят, кто ее замуж возьмет? Что же девке теперь, в лес идти, в старую Еглушкину избушку?

– Ни в какую избушку она не пойдет! – отрезала Ведома.

– Но зачем... – подала голос Прияна. – Как они могут ко мне свататься, когда я... у меня же есть...

И запнулась: сама уж сколько времени жалуется, что жених есть, но его нет.

Однако возмутилась она вовсе не из-за Святослава. Все эти дни она не могла выгнать из головы мысли о Хаконе. Если ее вздумают сосватать за Городислава, то о Хаконе поневоле придется забыть...

– Я не буду... не пойду... – Прияна встала, осыпанная волосами ниже пояса. – Кто это придумал?

– И что князь говорит? – спросила из-за ее спины Ведома.

– Я ему не дам уговор забыть! – решительно ответила Прибыслава. – Эльгу он не обманет, пока я жива! Ты же не сошла с ума? – Она встала и сделала пару шагов к Прияне. – Что тебе эти полочане? Кто они такие? Тьфу – чащоба запечная! А то – киевский князь! Ну, даже если и будешь у него второй женой. Горяна – высокого рода, по отцу от Моймировичей, а по матери от Земомысла...

– Ну, смерды те ляшские нам чести не сделают⁶, – холодно усмехнулась Ведома. – Что это ты, мать, о второй жене заговорила? Моя сестра не будет второй женой. Ни у кого! Такая жена, как она, бывает только одна-единственная. Она княжьего рода и по отцу, и по матери.

Сказала, будто кол забила. Прибыслава растерянн молчала. Сказав о сестре, Ведома сказала и о себе. Обе сестры были знатнее своей княгини: они принадлежали к правящим родам по обеим ветвям, в то время как Прибыслава получила княжескую кровь лишь от матери. Выйдя за Равдана, Ведома отказалась от всяких притязаний на власть для своих детей и держалась с Прибыславой, как и подобает воеводской жене перед княжьей. Но для своей сестры она хотела всего, на что давал право их род. И ни на волос менее.

– Не тревожься, княгиня, – сказала наконец Прияна. – Я не выйду за Городислава. Но не для того, чтобы стать Святославу Ингоревичу второй женой. Или я буду его первой женой и княгиней, или... – она посмотрела на Ведому, – изба Ведьмы-раганы⁷ ведь по се поры без хозяйки стоит?

* * *

По первому побуждению Станибор хотел сватам отказать, но подумал еще – и усомнился. В те мечты о державе смолян от Полуночного моря до Булгарии плохо вписывалась родственница, отданная за Святослава киевского. А вот за будущего полоцкого князя, его соратника в предстоящей борьбе – очень даже хорошо. Отчаянно жалея, что нет в Свинческе его ближайшего товарища Равдана и большей части дружины, он послал за Крайном с родичами и другими старейшинами. Судьбу своей земли он мог решать только совместно с ними.

Ни Краян, ни его сыновья и тесть Былина сватовству не удивились: на недавних пирах Богуслав так расхваливал Прияну, что любой смекнул бы, к чему дело клонится.

⁶ Династия Пястов, тогдашних польских князей, по преданию, происходит от крестьянина по имени Пяст. Земомысл, тесть Олега Моровлянина и дед Горяны, третий в этой династии.

⁷ Ведьма-рагана (точнее, ведзьма-рагана) – устойчивое двуязычное наименование персонажа белорусского фольклора, то же, что просто «ведьма». «Рагана» – «ведьма» в балтских языках. Такой персонаж мог существовать у смоленских кривичей, сформировавшихся во взаимодействии славянских и балтских племен (голяди). Здесь Ведьма-рагана – своеобразная «должность» живущей в лесу ведуньи, сторожащей границу того и этого света, которую занимают разные женщины по очереди. Мать Станибора, голядка Еглута, была предыдущей Ведьмой-раганой (см. роман «Ольга, княгиня зимних волков»).

– По нашему разумению, дело стоящее! – объявил Краян, которому нравился разговорчивый и любезный Богуслав. К тому же он, совершенно неожиданно для себя получив в невестки княжью дочь, хотел теперь поскорее зачислить в родню еще какого-нибудь князя: не киевского, так хоть полоцкого. – Девку-то дальше томить – и жалко, и зазорно. Ингоревич обручился да и забыл, так Всесвятнич ничем не хуже – и родом, и сам собою. Тоже у отца единственный сын остался, внучка моя княгиней будет. И не где-то там у руси полянской, а в нашем же краю, кривичском. Если вздумают обижать, – он усмехнулся, глядя на Городислава, – так нам недолго заступиться. Вмиг проведем.

Далекая полуденная земля, населенная полянами, управляемая русью и посещаемая невесть какими народами, казалась слишком непонятна и чужда. Другое дело – свои же кривичи, лишь вчера сменившие домотканые рубахи на греческое платье. И пока что зависимые от смолян, возможно, самой жизнью.

– Странно мне слышать от тебя такие речи! – сказал ему Станибор. – Когда Свирькину дочь обручали с сыном Ингоря, ты сам согласие дал, и родичи твои, и другие старейшины земли Смоленской! И теперь ты же подбиваешь меня уговор нарушить?

– Изменилось многое с тех пор! – Краян положил руки на пояс. – И трех лет не прошло после нашего уговора, как исполнилась земля слухом про древлянское разорение.

– А нам что за дело до древлян?

– Может, и никакого дела. Да только говорят люди, что с древлянскими князьями Ингорь киевский в том же родстве состоял, что и нам предлагал. Я сам Акуна расспрашивал, да и княгиня подтвердит. – Краян посмотрел на Прибыславу. – У древлян жила твоя сестра, а Эльге племянница, так?

– Д-да, – без охоты подтвердила княгиня. – Предслава Олеговна тогда была в Деревляни княгиней Володиславовой, а она – правнучка Вещего, мне двоюродная сестра.

– И когда Ингорь-младший, который ладожский, еще при Свирьке из Киева с молодой женой ехал, говорил, что она из древлянских князей родом, – подхватил Пересвет.

– Вот что выходит, – снова обратился Краян к Станибору. – Ингорь древлянам дал невесту, своему брату у них взял невесту, да только от гибели и разорения это их не уберегло.

– Но древляне убили самого Ингоря! – воскликнула обеспокоенная Прибыслава. – Мы-то не собираемся никого убивать!

– Чуры сохрани! – покачал головой Краян. – Но только выходит, что своих девок в русский род отдавать – только напрасный позор принимать.

– На измену меня подбиваете? – Станибор вонзил в лицо Краяна испытующий взор. Эти люди должны совершенно точно знать, к чему ведут и чем это грозит, и не валить потом на него вину за последствия. – На ссору с Эльгой и Святославом? Хотите разорвать уговор? А вы, люди торговые, – он посмотрел на Ольму и Мiroдара, которые пока в беседу не вступали, но слушали во все уши, – не забыли, что мы через Киев в Греческую землю свои товары сбываем и Эльга со Святославом нашим купцам грамоты дают? Не оттуда ли к нам паволоки везут, серебро, оружие доброе? Соль немецкую?

– Паволоки, серебро и оружие везут сюда от хазар, – напомнил Богуслав. – А путь к хазарам в обход русских владений идет.

Все примолкли.

– Путь к Волге лежит через ваши земли, смоляне, и земли вятичей. У вятичей же свои князья, они на Дону платят дань хазарам, но не русам киевским. Соль, как мы все знаем, Акуновы люди привозят теперь с Ловати, у него там свои солеварни. Вот и выходит, что русы Киева берут с вас, смоляне, дань лишь потому, что они сильнее. А вовсе не потому, что вам так уж необходим союз с ними. Ведь вы, смоляне, в самой середине света белого сидите. Отсюда в любую страну можно попасть. Люди, таким сокровищем владеющие, никому не должны дань платить. Здесь можно создать державу, что не уступит и Русской.

Богуслав говорил о том же, о чем думал сам Станибор. И на лицах смолянских бояр отражалось понимание.

Но даже самому Станибору, пожалуй, решение не давалось так трудно, как его жене. Прибыслава любила поговорить о том, что происходит из правнуков Олега Вещего, но, кроме удовольствия похвалиться своим родом, кажется, больше никаких благ от этого не ждала. И вот теперь это внезапно обрело новый смысл. Родство с Вещим немало стоило во всех землях, где о нем слышали – а слышали о нем до самых дальних сарацин. С одной стороны, это родство обязывало ее быть верной киевскому роду его наследников, а значит, побуждало всячески противиться замыслам отнять у Святослава такую важную невесту. Но с другой – эти замыслы в случае удачи обещали ей власть, почет, богатство не меньшее, чем у ее родственницы, Эльги киевской. А может, и больше. Эта будущая держава, простертая с запада на восток, разорвет и подомнет нынешнюю державу Русскую, вытянутую вдоль Днепра, Ловати и Волхова с полуночи на полудень. Ведь здесь – перекресток всех путей света белого.

От беспокойства не спав ночь, Прибыслава на заре тайком послала конного челядина в Смоленск к Хакону. Воевода, близкий родственник киевских князей, он представлял здесь военную силу русов, в то время как Прибыслава была мягкой лапкой, которую Эльга запустила в семью самого Станибора. Видя, какие дела тут затеваются втайне от Хакона, Прибыслава не находила себе места. Что, если все эти мечты – обман, грозящий бедой? Тогда ее нужно отвести, пока не поздно.

Назавтра день выдался ясный, и княгиня сговорила с Ведомой идти катать детей с горки. Собрались шумной толпой: обе матери, Прияна, две няньки, двое челядинов-конюхов, двое княжеских и трое воеводских детей под началом семилетней Орчи. Запрягли двух лошадей, вопящей пестрой толпой тронулись вверх по Днепру до обрыва, который зимой превращался в чудную длинную горку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.